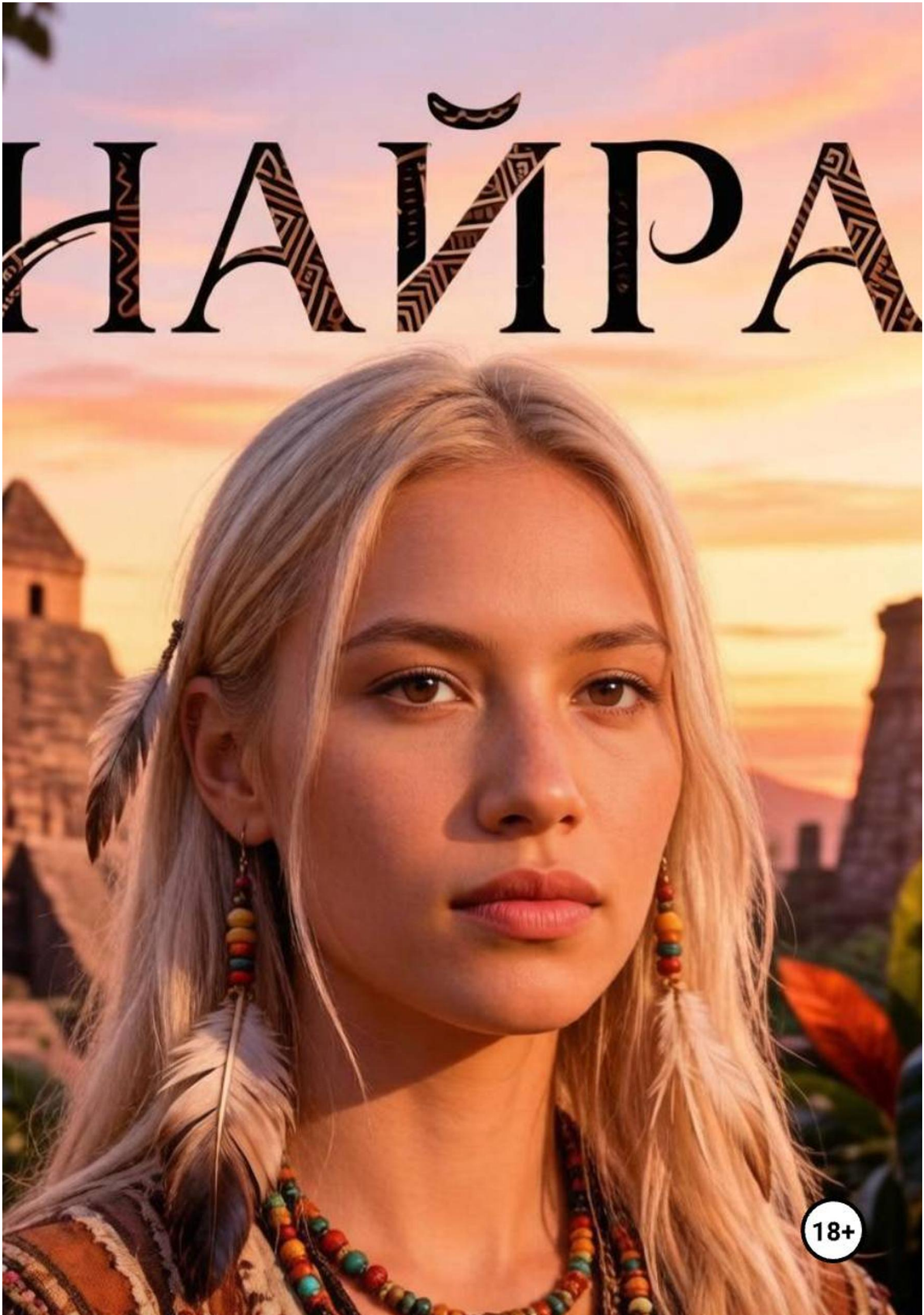
НАЙРА



18+

Ани Вебр

Найра

«Автор»
2026

Вебр А.

Найра / А. Вебр — «Автор», 2026

Юная девушка, сбегает из дома, чтоб не выходить замуж за нелюбимого. Становится пленницей индейца. Удастся ли ей сбежать? Или ей предстоит всю жизнь провести в поселении индейцев?

© Вебр А., 2026
© Автор, 2026

Найра

Свою судьбу, верши сам.
Не позволяй кому-то
Это делать за тебя.
Твоя судьба – твои решения!

ГЛАВА 1

Каролина, восемнадцатилетняя девушка с вьющимися каштановыми волосами. Миниатюрная, симпатичная девушка с правильными и симметричными чертами лица. С её робостью и изяществом она напоминала ангела — будто сотканного из утреннего тумана и тихого света. Казалось бы, вся жизнь впереди, живи и радуйся. Но нет. Девушке казалось, что её жизнь закончена. Её отец был не очень состоятельным человеком и, чтоб поправить своё финансовое положение, собрался выдать замуж свою единственную дочь. И всё бы ничего, если бы не тот факт, что её будущий муж — богатый, зажравшийся, престарелый мерзавец. Федерико давно положил глаз на юную Кэрол. А теперь, воспользовавшись трудными обстоятельствами её семьи, хочет взять её в жёны. Взамен обязуется оплатить долги семьи.

«Почему я должна выходить замуж за человека, который мне в отцы годится? Жирный, седеющий пятидесятилетний мужик отвратительной внешности. Орлиный нос с горбинкой, тонкие губы и жёлтые кривые зубы. Ярко-голубые глаза, но вечно злобный взгляд сводит на нет их красоту. Глаза — это единственная красивая часть лица, ускользающая от взгляда на фоне остальных недостатков. Я не хочу тратить свою жизнь на гадкого старика!» — думала Каролина в сердцах, и от этих мыслей в груди разрастался колючий холод, словно кто-то сжимал сердце ледяной рукой.

Выплакав все слёзы, Каролина стала обдумывать, что ей делать дальше. Как сорвать свадьбу? До которой осталось два дня. Почему Кэрол должна расплачиваться за чужие ошибки?

Роберт — отец Каролины, игрок. Он часто проигрывает в карты деньги и имущество семьи. Этот уже немолодой мужчина с сединой на висках не всегда был таким. Роберт держал фермерское хозяйство. Когда был молодым, дела его шли довольно неплохо. Семья ни в чём не нуждалась. Высокий, поджарый мужчина довольно симпатичной внешности встретил свою единственную любовь в лице Луизы. Миниатюрная девушка с длинными белокурыми волосами и большими зелёными, как два изумруда, глазами навсегда покорила сердце Роберта. Он привёл девушку в дом через месяц знакомства. С тех пор они не расставались. Дом был полной чашей. Уют, любовь и гармония буквально пропитывали весь дом, словно тёплый медовый свет, льющийся сквозь кружевные занавески.

Когда родилась Каролина, в их доме стало ещё больше любви и счастья. Девочка с каштановыми волосами, как у отца, и милым личиком с большущими зелёными глазами, как у матери, уже в десятилетнем возрасте привлекала к себе внимание мужского пола.

Счастье покинуло эту семью, когда Кэрол исполнилось двенадцать. Луиза заболела и вскоре скончалась. Для Роберта это стало настоящим ударом. Несколько недель он ходил чернее тучи от горя, а тишина в доме стала такой густой и тяжёлой, что, казалось, её можно было резать ножом. Потом стал частенько прикладываться к бутылке. Запустил дела. Ферма стала терпеть убытки. Каролина пыталась что-то сделать, но у неё не слишком получалось в силу возраста и физических сил. Ребёнок не может в полной мере содержать фермерское хозяйство.

Роберт пристрастился к игре в покер и окончательно забросил хозяйство. Большую часть скотины он проиграл. Из большого поголовья скота осталось лишь пара коров и овец. Ещё осталась лошадь, подаренная родителями своей дочери на десятилетие. Звездочка, так назвала

её Каролина, была настоящим другом для неё. С ней девочка делила все свои тайны, радость и горе. В тихие вечера, когда небо наливалось фиолетовой глубиной, Каролина уходила к Звездочке, зарывалась лицом в мягкую гриву и шептала о своих страхах — и мир будто становился чуть менее жестоким.

По мере взросления Кэрол он стал запрещать ей лишний раз выходить из дома. К восемнадцати годам она превратилась в настоящую красавицу. Мужчины буквально не давали ей прохода. Не желая создавать лишних проблем отцу, Каролина стала вести почти затворнический образ жизни. Большую часть времени она проводила в своей комнате за чтением книг.

Кэрол любила свою маленькую комнату. Здесь было всё так, как при матери. Небольшая кровать с массивной деревянной спинкой в изголовье, покрытая покрывалом молочного цвета, будто хранила в себе отголоски маминых прикосновений. Большой деревянный шкаф из тёмного лакированного дуба стоял, как молчаливый страж, храня старые платья и запахи прошлого. Маленький белый прикроватный столик с простенькой лампой казался островком уюта в этом рушащемся мире. Резное изящное трюмо в тон столику отражало не только черты лица Каролины, но и её затаённую печаль — лёгкую, как тень от пролетающей птицы.

Самой большой достопримечательностью комнаты был достаточно большой книжный шкаф. Любовь к книгам Каролине привила Луиза ещё в детстве. Тут были и любовные романы, и исторические книги, фантастика и многое другое. Кэрол нравились разносторонние книги. К восемнадцати она стала больше увлекаться любовными романами. За чтением которых мечтала встретить свою любовь, как в книге: молодой красивый незнакомец встретит её на улице и навсегда покорит её сердце. Страницы шелестели, как крылья надежды, и на несколько минут Каролина верила, что счастье возможно. Но мечтам не суждено было сбыться. Отец решил судьбу Каролины по-другому.

Проиграв все имеющиеся у него деньги и заложив дом, он принял решение выдать дочь замуж за состоятельного, но далеко не молодого мужчину. Узнав о решении отца, Кэрол проплакала всю ночь. Слёзы тихо катились по щекам, оставляя на подушке тёмные влажные следы, а в голове стучала одна и та же мысль: «Это не может быть правдой». Лишь под утро, когда слёзы иссякли, начала осознавать в полной мере, что ждёт её в будущем.

Не в силах смириться с престарелым женихом, Каролина пыталась придумать, как отменить свадьбу. Два дня — слишком маленький срок, чтоб найти нужную сумму для возврата долга. За окном первые лучи рассвета робко скользили по подоконнику, словно пытались утешить её, но Каролина не чувствовала тепла — только холод неизбежности.

***

Днём пришёл Федерико договариваться о деталях свадьбы. Тяжёлые шаги его сапог гулко отдавались в тишине дома, словно предвещая беду. Всю беседу с Робертом он не сводил своего пожирающего взгляда с Кэрол. Глаза его искрились похотью — в них не было ни капли уважения, лишь хищное предвкушение. Разве что слюни не бежали. Под пристальным взглядом будущего мужа девушку обуял такой страх, что каждый вздох давался с трудом, будто воздух в комнате стал густым и тяжёлым, как смола. В оцепенении она сидела и лишь изредка поглядывала на отца, в надежде, что он передумает и не продаст дочь. Но чуда не произошло. Обсудив все детали, мужчины сошлись на том, что медлить нет смысла — свадьба состоится завтра.

Федерико неохотно покинул дом. Будучи уже в дверях, продолжал откровенно пялиться на девушку; по его глазам можно было догадаться, что рисует его воображение. В этом взгляде сквозила такая откровенная грязь, что Каролине захотелось завернуться в одеяло с головой и исчезнуть. Наконец дверь захлопнулась, и дом снова погрузился в тягостную тишину, нарушаемую лишь тиканьем старых часов.

Каролина долго не могла заснуть. Завтрашний день будет приговором для неё. Конец всем мечтам и планам. Эту свадьбу можно было сравнить со смертным приговором. В данном

случае смерть казалась даже более милосердным исходом. Не в силах смириться с судьбой, Кэрол решилась бежать.

Быстро облачившись в одежду для конной езды — серые обтягивающие брюки, клетчатую синюю рубашку на пуговицах с длинным рукавом, чёрные высокие сапоги и кожаный жилет, — она торопливо собрала волосы в конский хвост на затылке. Последний раз оглядев себя в зеркале, девушка заметила, как в отражении дрожат её глаза — в них плескался страх, смешанный с отчаянной решимостью. Тихо выйдя из комнаты, она замерла, услышав движение отца на диване. Бросив испуганный взгляд, поняла, что он спит, просто перевернулся на другой бок. Облегчённо выдохнув, будто сбросив с плеч невидимую тяжесть, Каролина выскользнула в коридор.

Как можно тише открыла входную дверь, встретив прохладу ночи. Воздух был напоён запахом влажной земли и далёкого дождя, он словно подталкивал её вперёд. Переведя дыхание, стоя на крыльце, девушка глубоко вдохнула, будто запасаясь смелостью. Быстрым шагом она направилась к конюшне. Звездочка, словно чувствуя хозяйку, стояла в полной готовности, тихонько всхрапывая и переступая с ноги на ногу. Каролина стала торопливо водружать седло на свою лошадку. Застегнув ремни, повела Звездочку за поводья прочь от дома.

Выйдя за пределы двора, они ещё какое-то время шли, стараясь не шуметь. Минуя свою улицу, Кэрол поставила ногу в стремя и одним прыжком оказалась в седле. Она поскакала как можно дальше от дома и родного городка. Каролина прожила восемнадцать лет в небольшом городке под названием Висконсин. Маленькие улочки города, утопающие в зелени, с раскидистыми деревьями, чьи кроны сплетались над мостовыми, всегда нравились девушке. Раньше эти улицы казались ей уютным убежищем, где каждый дом хранил частичку её детства. Но из-за сложившихся обстоятельств некогда любимый городок стал ей так ненавистен и уже не казался таким безопасным, что хотелось убежать как можно дальше, стереть его из памяти, будто дурной сон.

Особо не думая о направлении пути, Каролина скакала на северо-восток к ближайшему леску, который попал в поле её зрения. Тёмный силуэт леса манил, обещая укрытие. Казалось, что, когда она доберётся до него, то будет в безопасности. Спустя полчаса скачки галопом они всё же добрались до лесополосы. Постоянно оглядываясь, она боялась погони. Только оказавшись на другом конце леса, Каролина позволила себе отдохнуть. Прижавшись к любимой Звездочке, девушка провалилась в сон.

Ей снилось, как она стоит у алтаря с Федерико. Священник объявляет их мужем и женой, позволяя скрепить союз поцелуем. Наблюдая, как мерзкий старик тянется к ней с отвратительной улыбкой, к горлу стала подкатывать тошнота. Проснувшись в холодном поту, она огляделась по сторонам. Вокруг ни души, только первые лучики солнца поднимались над горизонтом, окрашивая небо в нежные розовые и золотистые тона. Скорее всего, было где-то около пяти утра. До пробуждения города оставалось пара часов. А значит, скоро обнаружат её отсутствие. Надо как можно быстрее убраться подальше от города.

Взобравшись на лошадь, Каролина продолжила путь. Кроме осознания того, что хочет оказаться как можно дальше от города, мыслей не было. Она не знала, куда направляется и где бы хотела оказаться. Далеко идущих планов не было. Кэрол предпочла подумать об этом позже.

Проделав путь около тридцати миль и заметив небольшое озеро, Каролина решила передохнуть и дать отдохнуть Звездочке. По берегу озера росли кустарники, местами были доступны выходы к воде — своего рода небольшие бережки с пологим спуском, не заросшим камышами. Подойдя к одному такому спуску, девушка умылась прохладной водой, которая пахла свежестью и дикой природой, и присела на зелёную мягкую траву, ещё влажную от росы. Звездочка же осталась у воды, чтобы напиться, её движения были неторопливыми и спокойными, будто она тоже чувствовала временное затишье. День шёл на убыль, но ночевать на открытой местности не хотелось. Пока лошадка щипала траву, Каролина заметила куст вишни

и решила хоть немного подкрепиться. Поев и набрав с собой ягод, она двинулась вперёд к лесу, располагавшемуся неподалёку.

Как и в прошлый раз, добравшись до противоположной стороны леса, устроилась на ночлег. Вновь проснувшись на рассвете от того же кошмара, Кэрол позволила себе немного посидеть и просто насладиться тишиной. Здесь, вдали от города, тишина была особенной — не пустой, а наполненной шёпотом ветра, пением птиц и едва уловимым шумом листвы. Находясь достаточно далеко от города, она стала чувствовать себя намного увереннее. Теперь Кэрол не гнала лошадь, а просто пустила обычным шагом, сама при этом любуясь красотами окрестности.

Бескрайние просторы, изредка прерывавшиеся небольшими лесками, раскинулись перед ней, словно бесконечное полотно, сотканное из света и тени. Удивительно свежий воздух кружил голову пьянящими ароматами цветов и разнотравья. Яркость красок приводила в восторг: тёмно-зелёные кроны деревьев контрастировали с ярко-зелёной травой, на которой рассыпались все возможные краски цветов — нежно-голубые, ярко-красные, фиолетовые, белые, жёлтые. Такой потрясающей красоты в городе не встретишь. Чем дальше от города, тем красивее казалась природа — нетронутая человеком, чистая и подающая надежды на лучшее.

Солнце клонилось к закату, когда впереди что-то блеснуло. В надежде на воду Каролина направила лошадь к цели и ускорилась. Подойдя ближе, надежды девушки оправдались. Это был действительно водоём — что-то среднее между озером и большой лужей, но вода была прозрачной, словно очищенной самой природой, и в ней отражалось закатное небо, превращая поверхность в жидкое золото. Кэрол решила попробовать. Вода была вполне приемлема на вкус — свежая, чуть сладковатая. Напившись и ополоснув лицо, она присела, чувствуя, как усталость понемногу отступает. Доев остатки ягод, собранных вчера, по сложившейся традиции отправилась к ближайшему лесу.

Практически выйдя с другой стороны, она услышала шорох. Резко обернувшись, вглядывалась в полумрак, где тени сплетались в причудливые узоры. Медленно переводя взгляд по округе, она пыталась уловить малейшее движение. Справа, в двух метрах от неё, стоял человек. Высокий смуглый парень с голым торсом, в одной лишь набедренной повязке из кожи какого-то животного. Чёрные как уголь волосы до плеч, в которых торчало несколько перьев, обрамляли его лицо, придавая ему дикую, первозданную красоту. В руке он держал натянутый лук со стрелой, готовый в любой момент выстрелить. Оглядев парня, глаза Каролины расширились, а в груди нарастал страх, руки стали трястись. «Это что, индеец?» — подумала она, и страх стал ещё сильнее. В панике она открыла рот, собираясь кричать что есть сил.

Но парень в считанные мгновения приблизился к ней. Одним сильным рывком дёрнул девушку, одновременно повернув спиной и прижав к своей обнажённой груди одной рукой, второй плотно закрыл ей рот. Каролина оцепенела от страха, но парень стоял, не шевелясь. Через несколько безумно долгих минут она увидела тройку лошадей. На каждой из них сидел человек, одетый в военную форму и имевший ружьё за плечом. Первая мысль была о том, что они ищут её. От этого Кэрол ещё больше вжалась в грудь парня; ей даже показалось, что на мгновение он растерялся и ослабил хватку. Но лишь на мгновение. Время тянулось медленно, пока военные не скрылись из виду. Но даже после этого индеец продолжал стоять неподвижно, всё так же прижимая девушку к себе. Лишь спустя минут пять он издал странный звук, похожий на стрекотание кузнечика. Послышалось тихое шуршание шагов. Каролина почувствовала подступавшую панику. «Неужели он не один?» — думала девушка. Убежать от группы индейцев было бы труднее. Кто знает, что они могут с ней сделать. Могут убить или снять скальп, взять в плен — судорожно перебирала в памяти все возможные варианты, услышанные из рассказов. «Они могут изнасиловать меня», — эхом отозвался внутренний голос девушки. Сердце бешено заколотилось, а по спине побежала дрожь.

Вскоре страх сменился облегчением, когда к ним подошёл чёрный статный конь. Вместо седла на нём красовалась вязаная цветная накидка с пришитыми отсеками наподобие сумок по бокам. Парень притянул девушку к себе плотнее локтем той руки, которой затыкал ей рот. Второй что-то быстро достал из сумки. В считанные секунды он заткнул ей рот тряпкой и связал руки. И уже более медленно усадил на землю и связал ноги. Привязав лошадь Кэрол к дереву, он сел неподалёку от девушки. Потом вообще растянулся на земле и закрыл глаза, скорее всего собираясь спать.

«О, просто превосходно! — думала Каролина. — Связал и улёгся спать! Даже не поинтересовался, может, ей что-то нужно. Интересно, на каком языке он говорит? Сможет ли вообще понять её?» Просидев без движения около получаса, изучая своего нового знакомого, она решила, что он, похоже, уснул. Каролина пыталась протиснуться между своих рук, чтобы они оказались спереди. Сделав несколько неудачных попыток, ей всё же удалось добиться желаемого. Вытащив кляп изо рта, она принялась развязывать верёвки. Сначала освободила ноги, потом и руки. Медленными движениями отползала к Звездочке, стараясь не шуметь, будто сама тишина помогала ей в этом отчаянном побеге. Подобравшись к лошади, встала на ноги, взявшись за поводья, хотела отвязать их, как вдруг оказалась на земле. Лёжа на спине, она видела сверкающие гневом глаза индейца, нависавшего над ней. Он прижимал её руки за запястья к земле, и в этом жесте не было жестокости — скорее, холодная необходимость. Парень стал рыскать что-то взглядом. Быстро догадавшись, о чём он думает, Каролина быстро заговорила вполголоса:

— Нет! Нет, даже не думай. — Она сверлила его пронзительным взглядом. — Не надо меня связывать. Обещаю, что больше не буду пытаться сбежать, только не надо меня связывать.

Парень не отвечал, а лишь пристально вглядывался в лицо девушки, будто пытаясь прочесть её мысли. Вскоре отступил. «Интересно, он понял её или просто догадался?» — думала Кэрол, продолжая лежать на месте. Ведь он так и не произнёс ни слова. Поднявшись на ноги, она заметила, как напрягся индеец. Не стала делать резких движений, она шагнула к Звездочке и погладила её за шею. Та, подогнув ноги, легла. Девушка легла рядом, облокотившись о тёплое брюхо лошади. Казалось, парень был растерян, но всё же лёг в метре от неё. Каролина провалилась в сон, и на этот раз кошмары не тревожили её.

Открыв глаза с первыми лучами солнца, она удивилась: индеец уже не спал. Он не сводил пронзительного взгляда с Кэрол, и в этом взгляде не было враждебности — скорее, любопытство, смешанное с настороженностью.

— Что смотришь? — начала было она огрызаться, но тут же замолчала, подумав, что не хочет вновь быть связанной.

Как ни странно, парень не ответил. Продолжал сидеть и сверлить Кэрол взглядом, будто пытался проникнуть в самую её суть.

— Ты меня понимаешь? — спросила Каролина более дружелюбно.

Безрезультатно.

— Как хоть тебя зовут? Я Каролина! — с улыбкой произнесла она. — А твоё имя?

Ответом ей была тишина. Поняв, что не добьётся ответа, она стала откровенно разглядывать парня, просто чтобы убить время. Судя по всему, индеец не торопился покидать это место. Он вроде симпатичный, подумала она. Карие глаза, глубокий выразительный взгляд, чуть нахмуренный. Ровные, немного припухлые губы. Волевой подбородок, худые скулы, тёмно-загорелая кожа. Накаченный торс. Кубики на животе, на руках выделяются бицепсы, но больше всего её взгляд притягивали две рельефные полосы — это были внутренние косые мышцы живота; они начинались на уровне пупка и спускались вниз, прячась под набедренной повязкой. Его тело было очень сексуальным, подытожила она свои наблюдения. Всё больше проникаясь к парню симпатией, хотя разум кричал держаться от него подальше. Почему же

сердце думает иначе? Индеец вроде тоже изучал её, может, даже пристальнее, чем она разглядывала его.

Внезапно он вскочил на ноги, заставив Каролину вздрогнуть от неожиданности. Подошёл и отвязал поводья её лошади и вложил ей в руку. Сам подозвал своего коня всё тем же странным стрекотанием. Оседлав коня, перевёл взгляд на девушку.

— Мне тоже сесть на лошадь? — не зная, зачем она задала вопрос, ведь это и так было понятно.

В ответ он лишь кивнул. Кэрол оседлала Звездочку и двинулась за парнем. Они скакали почти до полудня, остановившись у небольшой речушки. Она протекала из одного леса в другой, пересекая маленькую полянку между ними. Вода в ней бежала стремительно, переливаясь на солнце, будто рассыпая вокруг себя тысячи крошечных бриллиантов. Остановившись у окраины одного из лесов, парень склонился на берегу. Сделав пару глотков из ладоней, умылся и обтёр торс, капли воды стекали по его коже, подчёркивая рельеф мышц. Девушка последовала его примеру и вдоволь напилась, ощущая, как живительная влага наполняет её силой. Подозвав Звездочку, дала ей возможность сделать то же самое.

Индеец поковырялся в сумке накидки и, что-то достав, опустился на траву. Каролина наблюдала за его манипуляциями. Развернув свёрток, он сломал содержимое пополам и протянул половину девушке. Покрутив в руках полученное, Кэрол предположила, что это мясо. «Интересно, чьё это мясо? Вроде похоже на вяленое или сушёное, что-то между», — подумала она. Подняв взгляд, отметила, что индеец ест свою половину.

— Чьё это мясо? — она приподняла руку с куском. — Это точно можно есть?

Он лишь с интересом наблюдал за ней, не произнося ни слова.

— Потрясающе! — раздражённо произнесла она, опускаясь на траву. — Он меня не понимает, — шёпотом говорила Кэрол самой себе.

Откусив совсем крошечный кусочек, она принялась жевать. На вкус довольно прилично. Быстро доела остальное — то ли от голода, то ли ей правда понравилось. Парень стал подниматься, и Кэрол тоже встала. Они двинулись дальше.

К вечеру они пересекали поле, направляясь к лесу, как из него показались пять лошадей с наездниками — все в той же военной форме. Индеец резко остановился, Каролина последовала его примеру. Солдаты вскинули ружья, и воздух будто сгустился от напряжения. Не теряя ни секунды, парень повернул коня назад и припустил галопом, петляя по полю, словно знал каждую кочку и каждый куст. Кэрол немного замешкалась, но потом рванула в сторону. Стали раздаваться выстрелы, их резкие хлопки разрывали тишину, заставляя сердце сжиматься от ужаса. Метрах в пятидесяти рос большой кустарник. Добравшись до него и спрятавшись за ним, она заставила лошадь лечь. Сама присела с краю, пытаясь увидеть, что происходит.

Всё так же петляя по полю, индеец отстреливался из лука. Ловко уворачиваясь от пуль, он двигался с грацией хищника, для которого поле было родной стихией. Три из пяти лошадей остались без наездников и устремились вперёд, туда, откуда недавно прибыли Каролина и индеец. Вот ещё один солдат упал с лошади. У парня остался только один противник. Индеец выпустил стрелу, и в то же время раздался выстрел. Солдат упал, а индеец как-то странно склонился к шее своего коня. Переводя взгляд с парня на лежащих на земле солдат, Каролина отметила, что из них никто не шевелится. Индеец всё больше склонялся к коню, и тот понёс его к лесу, к которому они направлялись до встречи с солдатами.

Кэрол быстро вскочила на свою Звездочку и поспешила следом. Не зная, зачем это делает, она лишь чувствовала, что не может бросить его, даже если это опасно. Внутренний голос кричал убираться прочь от индейца, пока есть возможность, но всё её нутро хотело убедиться, что с ним всё в порядке. Быстро догнать не получалось: конь взял слишком резвый темп. Звездочке было трудно соревноваться с этим рысаком, ведь она была не молода. Почти загнав свою лошадь, ей почти удалось догнать парня — почти у самого леса. Он сильно скло-

нился на бок и мог упасть в любой момент. Что, собственно, вскоре и произошло. Только тогда конь остановился, чем сильно удивил Каролину.

Спрыгнув на землю, она припала к парню. В правом плече зияла рана от пули — чёрная, зловещая, словно прореха в самой жизни. Из неё сочилась кровь — густая, тёмно-алая, она стекала по смуглой коже, прокладывая извилистые дорожки, и впитывалась в землю, оставляя на ней багровые кляксы. Воздух вокруг будто пропитался металлическим запахом, тяжёлым и горьким, от которого у Каролины сжималось сердце.

Оторвав полосу снизу своей рубашки и оба рукава, Кэрол принялась перевязывать рану, туго затягивая ткань, будто пытаясь удержать в нём саму жизнь. Пальцы её дрожали, но движения становились всё увереннее — страх уступал место отчаянной решимости. Пот стекал по виску, смешиваясь с холодными каплями ночного воздуха, а в груди билось одно: «Только не умирай. Только не сейчас».

Побоявшись оставаться в такой близости от солдат, Каролина решила уйти дальше. Только не знала, как поднять парня — он казался ей одновременно и невыносимо тяжёлым, и пугающе лёгким, будто жизнь уже потихоньку покидала его тело.

— Эй, как там тебя? — обратилась она к коню, поцокав языком и пытаясь подозвать его. Тот не реагировал, застыв, словно изваяние, лишь изредка вздрагивая ушами, будто прислушиваясь к ночным шорохам. Тогда она подошла, взяла его за поводья и кое-как добилась, чтобы он лёг. Земля под ним была прохладной, пахла сырой травой и прелыми листьями.

Перегнувшись через круп коня, Каролина схватила индейца за руки и потащила за собой, чувствуя, как мышцы горят от напряжения, а дыхание становится рваным. Прикладывая все свои силы, ей всё же удалось уложить парня животом на коня так, что руки свисали с одной стороны, а ноги — с другой. Его тело было неподвижным, безвольным, и от этого становилось ещё страшнее: казалось, будто она тащит не живого человека, а тень, готовую раствориться в темноте.

Дёрнув за поводья, она заставила рысака подняться. Тот фыркнул, встряхнул гривой, будто нехотя принимая на себя эту ношу. Оседлав Звездочку, Каролина двинулась в путь, не выпуская из рук поводья второй лошади. Тот, как ни странно, послушно шёл следом, мерно переступая копытами, и этот размеренный стук был единственным звуком, нарушавшим звенящую тишину ночи.

Луна уже стояла высоко в небе, усыпанном звёздами, словно кто-то рассыпал по бархатному полотну горсть холодного серебра. Её свет ложился на землю призрачными пятнами, выхватывая из тьмы то куст, то поваленное дерево, то тонкую струйку тумана, ползущую над травой. Была уже середина ночи, а Каролина продолжала путь, стискивая зубы и заставляя себя не думать о том, что силы вот-вот оставят её. Ей казалось, что вокруг небезопасно — каждая тень могла скрывать врага, каждый шорох сулил опасность. Она постоянно оглядывалась по сторонам, пристально всматриваясь в тьму, и каждый раз, не замечая ни души, глубоко вздыхала от облегчения, чувствуя, как спадает ледяной ком страха в груди.

Вскоре усталость взяла верх, и девушка остановилась на окраине леса. Здесь деревья стояли плотной стеной, будто оберегая эту маленькую полянку от остального мира. Кое-как уговорив коня лечь, она стянула неподвижное тело индейца на землю. Он упал беззвучно, и этот тихий, почти незаметный звук отозвался в её сердце острой болью.

Полазив в сумках парня, Каролина нашла кусок ткани, спички, воду, странные нитки с большой иглой и непонятный предмет, напоминающий пинцет, только в два раза больше. Ткань была грубой, пахла дымом и травами, а нитки казались слишком толстыми, но выбора не было.

Кэрол решительно собралась вытащить пулю. Присев и склонившись поближе, она обожгла огнём от спички пинцет — металл тихо зашипел, и резкий запах раскалённого железа смешался с запахом крови. Зажгла ещё одну спичку, чтобы видеть рану, и в её неровном, трепетном свете заметила на предплечье парня шрам — неровный, белёсый, похожий на след от

прежнего ранения. «Наверно, это не первое пулевое ранение, и эти предметы он носит с собой для таких случаев», — подумала девушка, и от этой мысли ей стало одновременно и страшнее, и спокойнее: значит, он умел выживать, а значит, и сейчас должен выжить.

Пуля долго не поддавалась, будто вцепилась в тело намертво. Каролина сжимала пинцет так, что костяшки пальцев побелели, а на лбу выступила испарина.

— Хорошо, что он без сознания, — шёпотом произнесла она, словно пытаясь убедить себя, что так будет лучше.

Наконец ей удалось достать пулю — маленькую, уродливую, свинцовую крупинку, которая принесла столько боли. Положив её рядом, она взялась за иглу. Нитки скользили в дрожащих пальцах, но она упрямо продолжала, стежок за стежком стягивая края раны. В её движениях было что-то отчаянное и в то же время бережное — будто она штопала не плоть, а саму судьбу.

Закончив, Каролина перебинтовала плечо парня куском ткани. Куски своей окровавленной рубашки и пулю она бросила рядом — они казались теперь чем-то чуждым, отвратительным, напоминанием о той жестокости, что ворвалась в эту ночь.

Не в силах бороться с накатившей усталостью, она легла рядом с парнем. В рубашке без рукавов ей казалось холодно — прохлада ночи пробиралась под ткань, касалась кожи ледяными пальцами. В поисках тепла Каролина прижалась к индейцу, ощущая под щекой ровное, едва уловимое движение его груди — он дышал. Этот тихий ритм был для неё сейчас самым прекрасным звуком на свете. И, прижавшись крепче, она мгновенно уснула, а ночь укрыла их обоих своим тёмным крылом.

ГЛАВА 2

Открыв глаза, Каролина увидела лучи солнца, во всю сияющие в кронах деревьев. Они пробивались сквозь листву, рассыпаясь на тысячи золотых искр, и танцевали на траве, словно живые. Тёплый свет ласкал кожу, обещая новый день, полный надежд. Скорее всего, время подходило к обеду — долго же она спала. По мере пробуждения к ней возвращались воспоминания прошлого дня, тяжёлые и острые, как осколки стекла. Вспомнив о раненом парне, она резко вскочила, сердце забилось где-то у самого горла, а в груди разлился ледяной холод. Рядом его не оказалось.

Озираясь по сторонам, она увидела его неподалёку. Он копошился в земле, аккуратно закапывая кровавые куски ткани от её рубашки — будто хотел стереть следы той страшной ночи, спрятать их от чужих глаз. Закончив, он подошёл к своему коню, достал кусок мяса, разделил его пополам и, присев рядом с девушкой, протянул ей половину. В этом простом жесте было что-то удивительно человеческое, почти домашнее.

— Охитека, — заговорил он.

Его голос был нежен и мягок, лаская слух Кэрол, словно бархат. Нежный баритон эхом отозвался в голове, обволакивая и успокаивая, будто сам воздух стал теплее.

— Это название мяса? — переспросила она, желая ещё раз услышать его голос, поймать этот звук и удержать в памяти.

— Нет. Это моё имя, — с лёгкой улыбкой произнёс он. Увидев замешательство девушки, добавил: — Оно означает «храбрый», — гордо, но без хвастовства произнёс он.

— Ты знаешь наш язык? — не могла поверить Каролина, что парень понимает её. В груди шевельнулось что-то похожее на облегчение, смешанное с удивлением.

— Да. Пришлось выучить, — спокойно, даже с едва уловимой усмешкой ответил он. В его говоре слышался лёгкий акцент — он придавал словам особую мелодичность, делал их чуть непривычными, но оттого не менее красивыми.

— А почему раньше молчал? — с удивлением спросила Каролина, всё ещё не до конца веря в происходящее.

— Не ожидал увидеть бледнолицую девушку так далеко от города. Не знал, что с тобой делать, — ответил он, опустив взгляд, будто стыдясь своего недоверия.

— А теперь знаешь? — с недоверием отозвалась она, всё ещё держась настороже, но уже не так напряжённо.

— Нет, — он задумался, и на мгновение в его глазах мелькнула растерянность, такая искренняя, что Каролина невольно смягчилась. — Почему ты спасла мне жизнь? Ты могла сбежать, пока у тебя был шанс.

— Не знаю, — на секунду она задумалась. А правда, почему? Кэрол и сама не могла ответить на этот вопрос. Просто чувствовала, что должна. — Люди должны помогать друг другу, — наконец продолжила она, и эти слова прозвучали не как красивая фраза, а как простое, но твёрдое убеждение.

— Раз ты помогла мне… — Охитека замолчал, его голос дрогнул, будто ему было непривычно говорить о благодарности. — Я могу отвести тебя к городу.

— Нет! — Каролина в ужасе вскочила на ноги, её глаза расширились, она тяжело и прерывисто задышала, во взгляде читался неподдельный ужас. — Я не вернусь домой!

— Хорошо, хорошо, не волнуйся, — он удивился её реакции, поднял руки в примиряющем жесте, будто хотел показать, что не собирается её заставлять. — Не хочешь возвращаться — не надо. Куда ты хочешь попасть?

— Я… — Кэрол неуверенно заговорила, её плечи слегка опустились, а голос стал тише. — Не знаю, я не думала об этом. Я просто хотела оказаться как можно дальше от Висконсина, — призналась она, и в этом признании было столько усталости и растерянности, что Охитека невольно почувствовал желание её защитить.

— Можешь пойти со мной к моему племени, а когда будешь знать, куда хочешь поехать, я помогу тебе, — предложил он спокойно, без давления, просто как вариант, который мог бы дать ей время.

— Хорошо, — выдохнула Кэрол, и в его глазах блеснул маленький огонёк — не торжества, а облегчения. Он понял, что она ему доверяет, хоть и немного.

— Когда ты меня связал, я предполагала, что ты приведёшь меня к своим. Зачем ты меня связал? — с детским любопытством спросила она, будто хотела расставить все точки над «i», чтобы между ними не осталось недоговорённостей.

— Боялся, что наведёшь военных, не хотел проблем, — пожал плечами Охитека, и в этом жесте было столько простоты, что Каролина едва заметно улыбнулась.

— А почему тогда не связал повторно? — не унималась она, желая до конца понять его мотивы.

— Не знаю, — он пристально смотрел в глаза Каролины, и в его взгляде была искренность, которую невозможно было подделать. — В твоих глазах я увидел, что ты не врёшь. И поверил тебе. Ты казалась искренней. Ты боишься меня? — внезапно сменил он тему, будто ему вдруг стало важно услышать именно этот ответ.

— Раньше боялась, — честно призналась Кэрол. — Я никогда не видела индейцев. Только слышала страшные рассказы. Теперь мне не очень страшно, — добавила она, и сама удивилась, насколько это было правдой.

— Что же ты слышала? — в его голосе появился неподдельный интерес, смешанный с горечью.

— Ну… вы снимаете скальпы с людей, ещё забираете в плен. Мужчин заставляете работать на вас, а женщин — для удовлетворения своей похоти, — перечисляла она то, что слышала в городе, и с каждым словом её голос становился всё тише, а щёки заливались румянцем.

— Для удовлетворения своей похоти? — растерянно повторил Охитека, будто не мог поверить, что кто-то мог придумать такое. — Что это значит?

— Ну, для того чтобы спать… насилуете женщин, — произнесла она, краснея от смущения и опуская глаза, будто стыдилась не своих слов, а того, что вообще в это верила.

В его взгляде читалось осознание сказанного. Глаза сначала потускнели, словно в них погас маленький свет, а потом стали наливаться гневом — не яростным, а горьким, тяжёлым, как грозовая туча.

— Ты думала, что я тебя изнасилую? — спросил он, и от этих слов у Каролины всё внутри сжалось. Она молча кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Мы не делаем такого! — голос Охитеки звучал твёрдо, но в нём слышалась боль. — Скальпы мы снимаем редко, и то в качестве трофея после сражения. И в плен мы никого не берём. Женщин и детей вообще не трогаем. А ваши солдаты, нападая на нас, убивают всех без разбора! И женщин, и детей, даже грудных! И часто насилуют молодых девушек, — каждое слово он произносил чётко, будто хотел, чтобы она не просто услышала, а прочувствовала эту правду до глубины души.

Охитека замолчал, опустив взгляд в землю, а Каролина, находясь в ужасе от услышанного, не могла произнести ни слова. Её сердце сжималось от боли и стыда за то, что она верила в эти страшные сказки. Чувствуя, как ему плохо, ей хотелось утешить парня, стереть эту горечь с его лица. Она подошла к сидящему индейцу и, обняв за голову, прижала к своему животу, который был оголён из-за нехватки куска оторванной ткани. От прикосновения его щеки к её телу она почувствовала тепло и странное ощущение внутри живота — лёгкое, трепетное, будто там распускался маленький цветок.

Через несколько мгновений Охитека обхватил её за талию и прижался плотнее, словно искал в этом объятии опору. Повернув голову прямо, он поцеловал её в живот. От тёплого прикосновения его губ по телу пробежала дрожь, острая и сладкая одновременно. Каролина быстро отстранилась, её глаза расширились от неожиданности, а дыхание сбилось.

Парень резко вскочил и схватил её за запястья, но не грубо, а крепко, чтобы удержать её взгляд и заставить услышать.

— Прости, прости, — быстро заговорил он. — Я не должен был… Все эти воспоминания, на меня что-то нахлынуло. — Встретив в её взгляде непонимание, смятение и лёгкий страх, он пытался успокоить Кэрол, говорил быстро, но искренне, каждое слово было как извинение. — Я не буду делать с тобой ничего такого против твоей воли. Это была минутная слабость. Больше не повторится.

Девушка стала успокаиваться, её дыхание постепенно выравнивалось, а плечи опускались, сбрасывая напряжение. Охитека порадовался про себя, что ему удалось достучаться до неё и всё объяснить, что между ними снова появилась хрупкая ниточка доверия, которую он не хотел рвать.

***

Они двинулись в путь. Ещё несколько дней провели в дороге, останавливаясь на ночлег под раскидистыми кронами вековых деревьев или на открытых полянах, где небо казалось особенно близким и бескрайним. Дорога теперь казалась намного быстрее и легче, чем те первые, полные страха и неизвестности дни. Дело было в общении: тишина больше не давила на плечи, а наполнялась живыми словами, смехом и тихими размышлениями, которые сплетались в узор их растущего доверия.

Охитека рассказывал о своём племени и об индейцах в целом, и его голос, низкий и размеренный, будто вторил шелесту листвы и пению птиц. Он говорил о том, как племя оджибвеев поселилось неподалёку от Висконсина, в северо-восточных лесах, ещё в тысяча восьмисотых

годах. Рассказывал о сложной и удивительной системе имён, которая была для него такой же естественной, как дыхание.

Мало кто знает, что имена, встречающиеся у одного племени, могут не встречаться у другого. Что у одних племён мужские и женские имена одинаковы, а у других — нет. Что у индейца одного племени может быть одновременно несколько имён, а индеец другого меняет имена в зависимости от возраста и важных событий в жизни. Есть имена духовные, даваемые шаманами на специальных церемониях или получаемые через видения, и есть имена обычные, даваемые детям родителями и родственниками.

Он рассказывал, что представители некоторых племён боялись говорить свои настоящие имена чужакам и даже соплеменникам, считая, что их могут заколдовать, — и тогда им давали прозвища, которые европейцы часто принимали за имена. У оджибвеев было обычным давать человеку несколько имён и прозвищ. Родители могли дать ребёнку одно имя, обратиться к уважаемому родственнику или сильному шаману, чтобы он дал ему ещё одно (обычно одно из своих, чтобы обеспечить духовную защиту). На церемонии Мидэ, аналогичной христианскому крещению, он мог получить третье, духовное имя, а в конце концов стать известным большинству соплеменников под прозвищем. Сейчас, да и в прошлом, чаще всего из всех полученных имён оставляют либо духовное, либо полученное от шамана или родственника.

В связи с тем, что родственники и шаманы дают детям свои имена, многие из них часто повторяются. Вкупе с традициями образования имён можно говорить об обычных и необычных для оджибвеев именах. Например, можно встретить множество оджибвеев с именами (теперь фамилиями), включающими различные описания состояний неба или стоящего или сидящего человека, но при этом не встретишь оджибвея с именем Бешеный Конь или Сидящий Бык. Наверняка не встретишь среди них и Зоркого Сокола, или Верную Руку. Первые характерны для индейцев Равнин, вторые — европейская стилизация. Эти имена можно перевести на оджибве, но от этого они не станут оджибвейскими. Точно так же можно перевести на русский оджибвейское имя, но оно от этого не станет русским.

Ещё он рассказывал о своей семье, и в его голосе слышалась тихая гордость, смешанная с болью. Его отец — вожак племени. Его зовут Кэнги, что значит «ворон». Мать Охитека зовут Мимитех — в переводе «новая луна». У парня есть брат и сестра. Брат на пару лет старше — Моки, что означает «олень». Он уже обзавёлся женой — Херит, в переводе «красивая». Сестра Коко, что значит «ночь», была ровесницей Каролины — ей тоже было восемнадцать.

В прошлом году девятнадцатилетний Охитека спасал свою сестру из лап военных. Они напали на племя, многие тогда погибли. Он сражался с двумя солдатами, когда увидел, как насилуют его сестру. Хоть Охитека и убил обидчиков, но исправить нанесённый ими вред было невозможно. Она забеременела, родила девочку, которую пришлось убить. В индейских племенах есть закон: если ребёнок рождается с криком, то его убивают. Считается, что такой ребёнок будет сильно крикливым и может выдать их местоположение. По большей части племенам приходится постоянно прятаться, а значит, нельзя позволить обнаружить себя.

Ещё его сестра теперь вынуждена прожить всю жизнь одна. В брак девушка должна вступить невинной; если это не так, её никто не возьмёт в жёны. И неважно, как она лишилась невинности — по собственному желанию или же, как сестра Охитеки. Она должна была не позволить этому случиться, драться до самой смерти. Чужаки могли добраться до её тела только после её смерти.

Каролине казалось это чудовищной несправедливостью, ледяной коркой сковывающей душу. Но таков их закон, и с этим ничего нельзя поделать. Закон про детей тоже не укладывался в её голове. Это было ужасно, а для Коко — ужасно вдвойне. Ведь из-за такого закона она потеряла и возможность посвятить свою жизнь ребёнку. Из-за двух несправедливых законов девушка была обречена на одиночество до конца жизни.

Когда Охитека говорил об этом, воздух вокруг будто становился тяжелее, а тени деревьев — длиннее и гуще, словно сама природа сочувствовала этой боли. Каролина слушала, не перебивая, лишь иногда сжимая пальцы в кулаки, чтобы сдержать слёзы.

Добрались они до племени к полуночи. Луна висела высоко, холодная и равнодушная, заливая всё вокруг призрачным светом. Всё уже спали, и только два индейца несли караул, неподвижные, как каменные изваяния, вглядывающиеся в темноту. Охитека перекинулся с ними парой фраз на своём языке — звуки были низкими, гортанными, почти музыкальными. Каролина не поняла сути разговора, уловила только своё имя и имя его отца, прозвучавшие в ночной тишине особенно отчётливо.

Подойдя снова к Кэрол, Охитека повёл её к одной из треугольных палаток из шкур. Привязав лошадей к дереву, растущему рядом, он заговорил:

— Сегодня переночуешь здесь, а завтра будет видно, — указал рукой на шатёр и оставил её одну.

Проводив его задумчивым взглядом, в котором смешались усталость, благодарность и лёгкая тревога, Каролина зашла внутрь. Палатка пахла дымом, травами и чем-то неуловимо домашним — будто здесь жили люди, которые умели беречь тепло даже в самые холодные ночи. Внутри было темно, но не пугающе: сквозь щели в шкурах пробивались тонкие лучики лунного света, рисуя на полу причудливые узоры. Каролина опустилась на мягкую подстилку из сухих трав и шкур, чувствуя, как напряжение, копившееся днями, понемногу отпускает её тело. Она закрыла глаза, и перед внутренним взором пронеслись все события последних дней — как кадры старого фильма, где смешались страх, отчаяние, надежда и робкое доверие. И впервые за долгое время она почувствовала, что, возможно, нашла место, где её хотя бы не будут продавать, как вещь.

ГЛАВА 3

Проснувшись утром, первое, что увидела Каролина, — девушку, сидящую перед ней. Та пристально разглядывала её, и от этого взгляда по спине пробежал неприятный холодок, будто кто-то провёл пальцами по обнажённой коже. Стройная, симпатичная, с двумя тугими косичками, в которые были вплетены перья и мелкие бусинки, переливавшиеся в утреннем свете, как капли росы. Лицо её было красивым, но резким, словно вырезанным из тёмного дерева, — высокие скулы, тонкий нос, плотно сжатые губы. Взгляд был далеко не дружелюбный: в тёмных глазах полыхала такая неприкрытая враждебность, что Каролина невольно отшатнулась.

— Коко? — заговорила Кэрол, подумав, что это сестра Охитеки. Голос её прозвучал неуверенно, будто она и сама не верила, что эта хрупкая на вид девушка может желать ей зла.

Девушка отрицательно покачала головой, и её взгляд стал ещё злее — в нём появилась почти животная ярость, как у кошки, загнанной в угол. Каролина села, и в то же мгновение незнакомка вцепилась ей в волосы, дернув с такой силой, что из глаз брызнули слёзы. Потеряв дар речи от такого поведения, Кэрол не сразу ответила — боль была такой внезапной и острой, что на секунду перехватило дыхание.

— Ты что, больная?! — завопила Каролина. Одной рукой она пыталась отцепить пальцы девушки от своих волос, чувствуя, как пряди рвутся и скользят между чужих кулаков. Другой схватила её за одну из косичек и с силой потянула к полу. Незнакомка зашипела, но не отпустила — она была сильнее, чем казалась, и в её хватке чувствовалась закалённая, первобытная ярость. Поняв, что девушка так просто не сдастся, Каролина размахнулась и с силой ударила её в нос. Хруст был тихим, почти незаметным, но незнакомка схватилась обеими руками за лицо, и из-под пальцев потекла тонкая алая струйка. Каролине хватило этого мгновения, чтобы выбежать из палатки.

Будучи очень красивой девочкой, а теперь уже девушкой, ей часто приходилось отбивать нападки разъяренных сверстниц, которые ревновали к ней своих парней. Что-что, а вот драться с девушками она умела — этому её научила жизнь, не спрашивая разрешения.

— Ненормальная! — возмущалась Кэрол, пытаясь собрать растрёпанные волосы в хвост, чувствуя, как на коже головы горят следы от чужих пальцев.

Вокруг неё стали собираться люди и с интересом разглядывали её. Под их взглядами становилось неловко — будто она стояла на сцене без костюма, а зрители молча оценивали каждый жест. Оглядывая людей, Каролина не видела в них признаков агрессии; скорее, в них было любопытство и интерес к её персоне. Видать, не часто их посещают бледнолицые, как говорил Охитека. Солдаты не в счёт. К такому пристальному вниманию она оказалась не готова, и в душе нарастала паника, тупая и ноющая, словно нарастающий звон в ушах. К тому же из палатки вышла девушка с разбитым носом, размазывая кровь тыльной стороной ладони, и с грозным видом двинулась к Каролине, и в её глазах горело такое желание реванша, что Кэрол невольно отступила на шаг.

— Охитека! Охитека! — громко кричала Кэрол, отступая назад, не желая повторения схватки. Голос её дрожал, срывался, и эхо разносилось по утренней деревне, вспугивая птиц с ближайших деревьев.

Девушка продолжала наступать, но с осторожностью — видимо, разбитый нос охладил её пыл.

— Что тебе надо от меня? — заговорила Каролина громче обычного, чувствуя, как сердце колотится где-то в самом горле. — Я не хочу с тобой драться!

Девушка бормотала что-то, но Кэрол её не понимала — чужая речь звучала резко, отрывисто, и каждое слово было как удар камня о камень.

— Я тебя не понимаю! — пыталась достучаться до незнакомки она, выставив перед собой руки в примиряющем жесте.

Та резко бросилась на Кэрол, и, пытаясь защитить себя, Каролина нанесла ей ещё один удар в лицо — на этот раз точнее и жёстче. Девушка отшатнулась, и послышались восторженные вопли зрителей, которые смешивались с удивлёнными возгласами и одобрительным гулом. В этот момент появился Охитека. Быстро оглядев девушек, он удивлённо выгнул бровь, но тут же взял себя в руки. Быстро сказав что-то на своём языке, он произнёс слова тихо, но с такой властностью, что незнакомка сразу потупила глаза и удалилась, бросив на Каролину последний, полный злости взгляд через плечо. Он повернулся к Кэрол, мягко взял её за локоть и увлёк обратно в палатку, раздвигая полог шкур, словно отгораживая её от внешнего мира.

— Что между вами произошло? — спросил, когда они остались наедине. В его голосе было столько сдержанного любопытства, что Каролина невольно перевела дыхание.

— Понятия не имею! — всё ещё взбудораженно ответила Каролина, чувствуя, как руки подрагивают от адреналина. — Когда я проснулась, она меня разглядывала, а потом словно взбесилась, вцепилась мне в волосы. Кто она?

— Это Нита, что переводится как «медведица». Она моя невеста! — смеясь, ответил он, и его смех был таким искренним и беззаботным, будто вся эта история была не более чем забавным недоразумением.

— А-а, ну теперь понятно, — процедила девушка, но улыбка на её лице увяла, словно цветок, которому не хватило солнца. В груди заворочалось что-то неприятное от этой информации — колючее, горячее, непонятное. Каролина нахмурилась, пытаясь понять, что за чувство шевельнулось внутри, но не смогла дать ему имени.

— Мой отец назвал её моей невестой, когда мне было пять, — пояснил парень, разглядев что-то в её лице и, кажется, догадавшись о чём-то, но не подав виду.

— Как это? — удивилась Кэрол. — А если ты её не полюбишь? Что тогда?

— У нас редко женятся по любви. Если тебе не выбрали невесту в детстве и, повзрослев, тебе приглянулась девушка, ты можешь жениться на ней. А так ты женишься на той, которую тебе выбрал отец, — говорил он ровно, без горечи, но в его глазах мелькнула тень, будто он сам не раз задавал себе этот вопрос.

— А что будет, если ты откажешься? Ты ведь имеешь право отказаться? — почти утвердительно спросила она, и в её голосе слышалось столько надежды, что Охитека невольно улыбнулся.

— Такого никогда не было. Я не знаю, возможно ли такое. Я раньше никогда не задумывался над этим. Единственная причина отмены свадьбы — если девушка лишилась невинности. Так было с моей сестрой. Уомблиска, переводится как «белый орёл», был назван женихом Коко. Они даже действительно полюбили друг друга, — с грустью начал он, и его голос стал тише, будто он говорил о чём-то очень хрупком, что можно разрушить одним неосторожным словом. — Но после того нападения свадьбу отменили. И не потому, что он не хотел жениться, а потому что таков закон. Он до сих пор любит её и готов стать ей мужем, несмотря на случившееся, но ему не позволят его родители.

— Глупый закон, — с неодобрением отозвалась Кэрол, и в её голосе была такая искренняя обида за чужих людей, что Охитека поднял на неё удивлённый взгляд.

— Я тоже так думаю, но это так. Ничего нельзя изменить, — грустно закончил он, и в его голосе послышалась усталость человека, который давно смирился с тем, что мир устроен несправедливо.

— Всегда можно что-то изменить, — возразила она, и её глаза загорелись таким упрямством, что стало ясно: эта девушка не из тех, кто сдаётся перед обстоятельствами. — Неизменна только смерть.

— Может, и можно, но люди не поймут. Коко — единственная, кто потеряла невинность и продолжает жить, — на лице Каролины появилось непонимание. — Все девушки, попавшие в такую ситуацию, так или иначе накладывали на себя руки. Не в силах вынести такого позора и одинокой жизни. Одни вешались, другие прыгали с обрыва, кто-то даже на глазах у племени зарезал себя ножом в живот. Никто не продолжал жить, — говорил он тихо, почти шёпотом, и каждое слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами боли.

Каролина в ужасе слушала рассказ, чувствуя, как кровь отхлынула от лица, а руки стали ледяными. Перед глазами встали картины — петля на тонкой шее, обрыв, нож у живота, — и ей стало трудно дышать, будто воздух в палатке стал тяжёлым и густым.

— Коко тоже собиралась наложить на себя руки, но её остановил Уомблиска. Она сидела верхом на лошади с петлёй на шее, когда он появился и, стоя рядом с ней на коленях, умолял не делать этого. Просил сохранить себе жизнь ради него. В противном случае он обещал зарезать себя. Чтобы его слова возымели вес, он приставил нож к своей груди у сердца. Коко очень любила его и не могла позволить ему умереть. Она осталась жива. Люди косились на неё, говорили гадости, но ради его жизни она стерпела всё. Отец был рад тому, что она осталась жива, я видел облегчение в его глазах, но он никогда не признается в этом. Я уверен, что он одобрил бы эту свадьбу, если бы всё зависело только от него. Но люди не поймут.

Повисла тишина, такая густая, что, казалось, её можно потрогать руками. Каролина сидела неподвижно, и в её груди что-то болело — не за себя, а за этих двоих, чья любовь была так жестоко растоптана чужими законами.

— А были случаи, когда солдаты насиловали девушек в браке?

— Да. Это сразу развод. И девушка умирала, — подтвердил он самые худшие предположения, и его голос прозвучал глухо, как удар колокола в пустой церкви.

— И развод против воли мужа и жены? — уточнила она, и в её голосе дрожало возмущение.

— Да, — коротко и ёмко, как приговор.

— Но это же неправильно! — возмутилась она, и голос её зазвенел в тесном пространстве палатки, как натянутая струна.

— Раньше я не думал об этом, но теперь полностью согласен с тобой. Но наше мнение не в счёт, — опустил голову Охитека, признавая несправедливость, и в этом жесте было столько бессилия, что Каролине стало больно смотреть на него.

— Дикость какая-то! — только и смогла выдавить Кэрол, и это слово повисло в воздухе, как незакрывшаяся рана.

— Я говорил с отцом, — сменил он тему, и его голос стал чуть легче, будто он решил больше не бередить эту рану. — Рассказал, что произошло. Он разрешил тебе остаться в знак благодарности. Сказал, что раз я тебя привёл, значит, ты моя проблема. Так что жить будешь со мной в моём типи.

— Где? — переспросила она, услышав непонятное слово.

— Типи, — он провёл рукой по кругу, обводя стены палатки из шкур, на которых играли отблески утреннего света. — Это и есть типи. Дом, по-вашему.

— Хорошо, я, в общем-то, не против. Главное, чтоб твоя невеста не кидалась драться каждое утро, — с улыбкой ответила Каролина, но улыбка вышла чуть кривоватой, и за ней пряталось что-то, что она сама себе не хотела признать.

— С ней я поговорю, — с такой же улыбкой сказал Охитека, но в его глазах мелькнула искорка, которая заставила сердце Каролины сделать лишний удар. — Мне нужно заниматься делами. Ты не будешь против, если я познакомлю тебя с Коко? Она славная, вы подружитесь.

— Давай. Я столько про неё знаю, что кажется, будто мы давно знакомы, — быстро согласилась она, и в этих словах было столько тёплого предчувствия, что воздух в палатке будто стал светлее.

***

Охитека познакомил Каролину с сестрой и ушёл, оставив их наедине. Весь день они провели вместе, и, к счастью, Коко тоже знала язык бледнолицых — её когда-то научил старый шаман, который подолгу жил среди торговцев и перенял от них немало слов. Они могли свободно общаться, и слова лились легко, будто вода по гладкому камню, смывая неловкость первых минут.

Когда они собрались на поляну за ягодами, воздух уже был напоён ароматом нагретой солнцем травы и сладковатым запахом диких цветов. Лёгкий ветерок играл в кронах деревьев, шелестя листвой, словно шептал какие-то древние секреты. Проходя мимо одного типи, Каролина заметила, как Коко обменивается многозначительными взглядами с одним парнем. В нём Кэрол узнала одного из тех, кто нёс ночью караул. Не составило труда догадаться, что это и есть Уомблиска. Взгляд у него был особенный — в нём плескалась тихая грусть, смешанная с преданностью, и, когда он смотрел на Коко, его глаза чуть теплели, будто в них загорался маленький, бережно хранимый огонёк.

До поляны они шли молча, и Каролина погрузилась в свои мысли. Странная у них всё-таки жизнь, с совершенно дурацкими, на её взгляд, законами, которые сковывают людей крепче любых верёвок. В голове роились вопросы, но она не решалась задать их, боясь ранить Коко неосторожным словом.

Девушки, по мнению Кэрол, были очень похожи друг на друга — словно природа, создавая их, пользовалась одним и тем же узором. Чёрные волосы, заплетённые в две тугие косички, отливали синевой, как вороново крыло. Карие глаза, почти одинаковое телосложение. Одинаковая одежда из шкур животных — подобие юбок практически одинаковой длины. Грудь покрывал кусок такой же кожи, имитирующий не то подобие бюстгальтера, не то топа. Они отличались лишь незначительными чертами лица. У Коко оно было чуть круглее, чем у осталь-

ных, с мягкими, почти детскими очертаниями, а в улыбке пряталась какая-то особенная, тихая нежность.

Мужчины тоже все были в одинаковых набедренных повязках, с чёрными волосами до плеч и карими глазами. Но отличить их было легче: телосложение у всех было разным. Одни — толстоваты, с округлыми, спокойными движениями, другие — слишком худы, с выступающими ключицами и острыми локтями, будто жизнь выточила из них лишнее. Было мало парней с накачанным телосложением, как у Охитека, — таких, у которых под кожей перекатывались тугие мышцы, а каждый жест был наполнен сдержанной силой.

Перья в волосах были разными по цвету, размеру и количеству — в этом и крылось главное отличие. Кто-то носил три ярких пера, кто-то — горсть мелких, едва заметных. Уомблиска, например, был менее накачан, чем Охитека, и носил всего одно перо — серого цвета, с едва уловимым серебристым отливом. Оно смотрелось просто, но в этой простоте была какая-то особая элегантность. Лицо у него было очень симпатичное: тонкие черты, прямой нос, чуть изогнутые брови, придававшие взгляду задумчивость. В нём не было грубой силы, зато чувствовалась глубина — будто он знал что-то такое, чего не знали другие.

На поляне их встретил густой аромат спелых ягод. Земляника и черника рассыпались по траве, словно кто-то пролил на зелень цветные капли. Коко, опустившись на колени, ловко собирала ягоды, складывая их в небольшую корзину из лозы. Её движения были плавными, почти танцевальными, будто она вела с землёй какой-то безмолвный диалог. Каролина присела рядом, пытаясь подражать её ловкости, но пальцы у неё были непривычными к такой работе, и ягоды то и дело выскальзывали, падая обратно в траву.

— Не переживай, — тихо рассмеялась Коко, заметив её старания. — У тебя всё получится. Просто нужно почувствовать ритм.

И в этих словах было столько тепла, что Каролина невольно улыбнулась. Здесь, среди этих запахов, звуков и простых движений, мир казался чуть менее жестоким. И пусть законы племени оставались для неё чуждыми и непонятными, в этом тихом общении, в смехе и в терпком вкусе ягод таилась какая-то надежда — на то, что даже в самом строгом мире можно найти уголок, где тебя просто примут таким, какой ты есть.

***

На поляне, собирая ягоды, Каролина заметила, как на краю леса за ними наблюдает парень. Солнце, клонившееся к закату, окрашивало опушку в медно-рыжий цвет, и в этом свете силуэт юноши казался почти призрачным — будто он был частью леса, его тенью. Приглядевшись, она узнала Уомблиска. Он переминался с ноги на ногу, не решаясь подойти, и время от времени проводил ладонью по волосам, словно пытался стряхнуть нерешительность. Его поза выдавала внутреннюю борьбу: желание быть рядом с Коко сражалось в нём со страхом нарушить неписаные правила.

Коко украдкой поглядывала на него, и периодически глубоко вздыхала — этот вздох был тихим, но в нём слышалась целая история: тоска, надежда и горькое понимание того, что некоторые желания приходится прятать даже от самих себя.

— Иди, поговори с ним, — не выдержав, сказала Каролина, чувствуя, как внутри всё сжимается от сочувствия.

— Что? — недоверчиво посмотрела на неё Коко, будто услышала что-то невозможное, запретное.

— Я всё знаю, — с неловкостью в голосе перебила она. — Мне Охитека всё рассказал. Иди, не бойся. Я никому не скажу. Пока пособираю ягоды за двоих.

— Спасибо, — с улыбкой произнесла Коко, и в этой улыбке было столько облегчения, что она показалась Каролине хрупкой, как первый лёд на луже. Девушка тут же сорвалась с

места и понеслась в сторону леса, её ноги легко скользили по траве, а косички подпрыгивали в такт шагам.

«Судя по всему, они периодически встречаются украдкой», — подумала Каролина, глядя ей вслед. Какое-то время она собирала ягоды, машинально складывая их в корзинку, но мысли её витали далеко от этой поляны. Вскоре она услышала шум — резкий, непривычный, он ворвался в тихий вечер, как грубый голос в нежную мелодию. Резко вскочив, она увидела небольшую группу индейцев на лошадях. Их силуэты чётко вырисовывались на фоне багрового заката, а копыта глухо стучали по земле, разнося тревогу по округе.

Обернувшись к лесу в поисках Коко, Кэрол выдохнула: девушка, пригнувшись, быстро и бесшумно направлялась к ней, двигаясь так ловко, будто сама земля помогала ей прятаться. Уомблиска вообще видно не было — он растворился в лесу, как капля воды в реке.

— Господи! Как хорошо, что вы их тоже заметили, — выдохнула Кэрол, когда Коко добралась до неё, и только теперь Каролина поняла, что всё это время задерживала дыхание.

— Вообще-то нет, — покачала головой Коко, слегка запыхавшись. — Мы увидели, как ты резко вскочила, и проследили за твоим взглядом. Твой слух и настороженность очень похожи на наши. Ты могла бы стать одной из нас, если бы ещё научилась не обнаруживать себя. Мы не вскакиваем, как ты. Мы незаметно выглядываем и проверяем обстановку, встаём только тогда, когда видим, что нет опасности.

— Учту на будущее, — игриво подметила Кэрол, пытаясь скрыть дрожь в голосе за лёгкой улыбкой.

— Корзинка почти полная, может, мы уже можем вернуться?

— Да, конечно, — кивнула Коко, и они зашагали в сторону лагеря. Тени становились длиннее, сплетаясь в причудливые узоры на траве, а воздух постепенно остывал, напоминая, что ночь не за горами.

— Спасибо тебе за понимание, — тихо произнесла Коко, бросив на подругу благодарный взгляд.

— Не стоит благодарности, — махнула рукой Каролина. — Я не понимаю, как вы живёте с такими законами.

— Мы принимаем их с детства, так что нам проще, — пожала плечами Коко, и в этом простом жесте было столько смирения, что у Каролины защемило сердце.

Девушки вернулись и занялись приготовлением еды. Каролина отметила для себя, что племя держит коров, и поэтому чаще всего едят говядину. Еда мало отличалась от того, к чему привыкла Кэрол, разве что готовили её на костре в чугунных котелках, и аромат был особенным — дымным, насыщенным, с пряными нотками трав, которые женщины добавляли в блюда. Пламя костра танцевало, отбрасывая на лица тёплые отсветы, и на мгновение казалось, что все тревоги остаются по ту сторону этого уютного круга света.

За семейным ужином девушка познакомилась со всей семьёй Охитека. Его мать была вполне приветлива, хотя и не знала языка, и они не понимали друг друга. Она часто улыбалась, кивала, иногда касалась руки Каролины в молчаливом жесте доброты. Охитека выступал в роли переводчика по мере необходимости, его голос звучал ровно и спокойно, сглаживая любые неловкости. Отец держался безразлично — его лицо оставалось непроницаемым, словно высеченным из камня, и Каролина не могла понять, что скрывается за этой маской. Брат с женой периодически участвовали в разговоре, но скорее ради приличия. Они тоже не знали языка. Насколько Каролина поняла, её язык знали Охитека, Коко, некоторое количество слов знали отец и Уомблиска. Остальные предпочитали не тратить время на это.

После ужина все разошлись по своим типи. Сумерки опустились на лагерь, укутав его в мягкую темноту, и только редкие огоньки костров напоминали о том, что жизнь здесь не замирает даже ночью.

— Я вижу, вы подружились с Коко, — заговорил Охитека, когда они зашли в палатку. Его голос прозвучал в полумраке типи особенно глубоко, отзываясь где-то внутри Каролины тихим эхом.

— Да. Она правда славная, с ней легко общаться, — отозвалась девушка, садясь на постель из шкур. Шкуры пахли дымом и травами, и этот запах странным образом успокаивал, создавая иллюзию защищённости.

— Чем занимались? — он пристально смотрел ей в глаза, и в его взгляде читалось не просто любопытство, а какая-то напряжённая забота.

— Да ничем особенным. Собирали ягоды, готовили ужин, — пожав плечами, отвечала она, стараясь казаться беззаботной.

— И больше ничего? — он ещё серьёзнее вглядывался в её лицо, будто пытался прочесть между строк то, что она не решалась сказать вслух.

— Нет, — как можно безразличнее пыталась говорить Каролина. «Неужели он догадывается о встрече Коко и Уомблиска или даже видел?» — от этих мыслей в ней нарастала паника. Стараясь не поддаваться эмоциям, она продолжила: — Что мы ещё могли делать? Планировать побег или переворот? — Она пыталась скрыть волнение за непринуждённой улыбкой, но улыбка получилась натянутой, как струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Не верится, что вы были только вдвоём, — не унимался он.

— Ну естественно, мы встречали людей, здоровались и шли дальше. Почему ты меня так допрашиваешь? — пошла в наступление Кэрол, чувствуя, как раздражение смешивается со страхом.

— Я знаю, что Коко периодически тайно встречается с Уомблиской. Однажды, если кто-нибудь узнает, им мало не покажется. Я не хочу, чтоб ты пострадала вместе с ними, — он неоднозначно смотрел на Каролину, и в его глазах плескалась настоящая тревога, глубокая и искренняя.

— Ничего такого не было, — уверенно начала она, но тут же, не выдержав, добавила с вызовом: — Если они всё же видятся, я полностью на их стороне! Если они меня попросят, я с удовольствием им помогу, и мне совершенно наплевать, что со мной будет. Любовь — это прекрасно. Чтоб сохранить её, я готова помочь любому. — Говорила она с гордо поднятой головой, храбро встречая его взгляд, и в этот момент в ней проснулась та самая упрямая сила, которая не раз помогала ей выстоять в самых тяжёлых ситуациях.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — он взял её за руку, и от этого простого прикосновения по коже пробежали мурашки. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми, в них чувствовалась сила, способная защитить, но и сломать, если потребуется. — Их убьют, и тебя вместе с ними.

— Ну и пусть, — с грустью тихо прошептала она сквозь накатывающие слёзы. — Я всё равно на их стороне и готова нести ответственность за свои поступки. Если будет суждено умереть, я буду знать, что сделала что-то хорошее в своей жизни.

По щекам потекли слёзы, горячие и солёные, они катились по коже, оставляя холодные дорожки. Каролине было обидно за эту влюблённую пару, которой не суждено быть вместе, обидно за саму идею того, что любовь можно запретить, словно это не чувство, а преступление.

Охитека стал вытирать слёзы с её лица большими пальцами, обхватив её лицо ладонями. Его прикосновения были такими нежными, что казалось, будто он боится причинить ей боль даже случайным движением. Их взгляды встретились, и в этом молчании сказалось больше, чем в любых словах. От его взгляда и прикосновений по телу пробегал словно электрический ток, будоражащий каждую клеточку.

Каролина переводила взгляд с его глаз на его манящие губы и обратно, и внутри неё разгорался пожар, который невозможно было потушить разумом. Пока шла внутренняя борьба, она не заметила, как медленно, подаваясь навстречу, приблизилась слишком близко. Его дыха-

ние обжигало ей губы, смешиваясь с её собственным, и мир сузился до этой точки, где соприкасались их миры.

Не в силах бороться с собой, Кэрол всё же поддалась порыву. Он ответил на поцелуй, и этот ответ был таким искренним, таким отчаянным, что у неё перехватило дыхание. Их языки встретились, и по телу стал разливаться жар, плавно перерастающий в страсть и сильное желание. Разум стал затуманиваться, плохо соображая и отдавая отчёт своим действиям, Каролина обхватила его руками. Нежно проводя ладонями по мускулистой спине, она почувствовала, как его тело пробивает дрожь — такая же неукротимая, как и её собственная.

«Надо остановиться», — кричал её разум, но тело не слушалось, оно требовало продолжения, жаждало этого мига, словно он был последним в её жизни. Первым оторвался Охитека. Он тяжело дышал, в глазах искрилась страсть, смешанная с чем-то ещё — с болью, сомнением, страхом. Только в этот момент Каролине удалось взять себя в руки и осознать, что она только что сделала.

— Прости, я не… — начала она, голос дрожал, слова рассыпались, не успевая сложиться во фразы.

Он закрыл ей рот рукой, мягко, но решительно.

— Не надо, я понял, — тихо произнёс он, и в этих словах было столько невысказанного, что они повисли в воздухе, тяжёлые и горькие. Охитека быстро вышел из типи, и его шаги растворились в ночной тишине, оставив после себя только холод и звенящую пустоту.

Прождав больше часа, Каролина поняла, что этой ночью он вряд ли вернётся. Она легла спать, но сон не шёл. Мысли роились в голове, сталкиваясь и разлетаясь, как испуганные птицы. Он ей нравится, нравится с каждым днём всё больше, и это чувство было одновременно самым прекрасным и самым мучительным из всего, что она когда-либо испытывала. Но у него есть невеста. Хотелось бы знать, что чувствует Охитека по отношению к Кэрол. Нравится ли она ему так же, как он ей? Может, это было просто мужское желание, мимолётный порыв, который растает с рассветом?

За размышлениями, полными сомнений и робких надежд, Каролина наконец провалилась в сон, и даже во сне её не покидало ощущение, что она стоит на краю чего-то огромного и неизведанного, и шаг вперёд может изменить всю её жизнь.

***

Её разбудил шум, доносящийся с улицы — резкий, хаотичный, он ворвался в сон, как удар грома посреди тихой ночи. Каролина подскочила, сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Быстро добравшись до входа в палатку, она осторожно выглянула наружу, и мир, который ещё вчера казался пусть и странным, но безопасным, рассыпался на её глазах в кровавые осколки.

Снаружи происходило что-то немыслимое. Несколько типи горели, языки пламени взмывали к небу, пожирая шкуры и дерево, и отбрасывали на лагерь зловещие оранжевые отсветы. Дым стелился по земле, смешиваясь с криками, стонами и лязгом металла. Люди метались, как тени в кошмарном сне: женщины и дети пытались убежать, спотыкались, падали, а те, кого ловили, падали уже навсегда — их убивали на месте, без раздумий, одним резким движением. Мужчины дрались с солдатами, и в этом отчаянном бою было столько ярости и боли, что казалось, будто сама земля содрогается от каждого удара.

Царил хаос — тот самый, что стирает лица, имена и судьбы, оставляя после себя только пепел и тишину. От ужасающей картины, развернувшейся перед её взором, Каролина замерла, словно её приковали к месту ледяными цепями. Время будто растянулось, превратившись в тягучую, вязкую субстанцию, в которой невозможно было пошевелиться.

Немного совладав с эмоциями, Кэрол стала искать взглядом Охитека. Он был на противоположной стороне лагеря — сражался сразу с тремя солдатами. Его движения были резкими,

отточенными, в них чувствовалась смертельная решимость. Рядом с ним бился его брат Моки, но дела у него обстояли хуже: на него наступали пятеро. Моки сражался с такой самоотдачей, словно хотел одолеть их за минуту, будто время было его врагом, а не союзником. Его рвение было слишком опасно для него же самого: он бросался вперёд, забывая о защите, и каждый его шаг отзывался в груди Каролины острой тревогой.

Моки постоянно поглядывал вдаль, чуть правее палатки, в которой находилась Каролина, и в эти моменты его взгляд наполнялся такой грустью и отчаяньем, что у неё сжималось сердце. Проследив за его взглядом, Кэрол увидела причину его печали.

В пяти метрах от неё два солдата пытались изнасиловать Херит — его жену. Она билась как тигрица: царапалась, кусалась, пиналась, её крики сливались с общим гулом, но силы были явно не равны. Её отчаяние было почти осязаемым — оно висело в воздухе, тяжёлое и горькое, как дым от горящих типи.

— Ну уж нет! — шёпотом заговорила Каролина сама с собой, и в её голосе прозвучала такая стальная решимость, что даже страх на мгновение отступил. — Я не позволю разрушить ещё две жизни.

Озираясь по сторонам в поисках хоть какого-нибудь оружия, она заметила под шкурой, имитирующей подушку, нож. Холодный металл приятно и одновременно пугающе лёг в ладонь. Стиснув его в правой руке, она осторожно вышла из типи. Пламя обжигало лицо, дым разъедал глаза, но она не замечала этого — всё её существо сосредоточилось на одной цели.

Быстро и аккуратно пробираясь к Херит, она старалась ступать бесшумно, но каждый шаг отдавался в ушах оглушительным эхом. Силы девушки почти иссякли, и солдаты были почти у цели. Каролина, увидев это, больше не могла медлить. Она бросилась бегом, и ветер, казалось, подталкивал её вперёд, подгоняя, как будто сама природа хотела, чтобы она успела.

Подбежав, не раздумывая ни секунды, она всадила нож в шею одного из солдат. Движение было резким, почти инстинктивным, и в тот же миг реальность ударила её по сознанию: тёплая кровь брызнула на руку, на лицо, на одежду. Она одёрнула руку вместе с окровавленным ножом, и солдат повернулся к ней с широко распахнутыми глазами, в которых застыло неверие. Через секунду он упал без чувств, и тишина, которая на мгновение накрыла этот крошечный участок земли, была страшнее любого крика.

Второй солдат на мгновение замешкался, и этого хватило: Херит смогла отпихнуть его ногой и сбежать, её фигура растворилась в дыму и суматохе, как призрак. Переведя взгляд с мёртвого парня на место, где остался второй, Каролина поняла, что девушка спасена, но опасность не миновала. Солдат, поднимающийся после падения, перевёл взгляд на Кэрол, и по его ухмылке, кривой и мерзкой, стало ясно, что теперь она привлекает его гораздо больше.

Она попятилась назад, но сбежать бы ей не удалось — ноги словно приросли к земле, а воздух стал густым, почти непроходимым. Солдат с кривой ухмылкой кинулся на неё и сбил с ног. В одно мгновение Кэрол оказалась придавлена к земле, и тяжесть чужого тела, смешанная с запахом пота и железа, заставила её желудок сжаться от отвращения.

— Это просто подарок судьбы! — зловеще заговорил солдат, и его голос звучал так буднично, будто он говорил о погоде, а не о чужой жизни. — Ты мне нравишься больше. Мы на славу повеселимся.

— Черта с два! — выплюнула с отвращением Кэрол, и в её словах было столько ненависти, что они, казалось, могли бы сжечь этого человека дотла. — Хрен ты меня получишь! — со злобой шипела девушка, и каждая буква отдавалась в груди дрожью, смешанной с яростью.

— О-о-о! Ты говоришь на нашем? — оскалился солдат, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес, отчего стало ещё страшнее.

— Вообще-то я из Висконсина, — высказалась она, и в этих словах прозвучала не гордость, а горькая ирония судьбы: она говорила на языке своих врагов, и это не давало ей ни капли преимущества.

— Серьёзно? — на доли секунды он остановился, будто эти слова что-то значили для него, но затем продолжил, и его равнодушие было страшнее любой угрозы. — А вообще мне плевать! Ты будешь моей.

Больше не тратя время на разговоры, он пытался стащить с неё брюки. Отчаянно сопротивляясь, Каролина бросила беглый взгляд в сторону, где недавно отражали атаку Охитека и Моки. Моки переводил беглые взгляды с противников на Охитека и Каролину, и в каждом таком взгляде читалась целая история: страх, вина, беспомощность. Охитека яростно распихивал противников, пробиваясь к ней, и в его движениях была такая отчаянная решимость, что казалось, он готов разорвать любого, кто встанет у него на пути.

Вновь сосредоточившись на борьбе с молоденьким, но ужасно неприятным солдатом, Каролина барахталась, ногами затрудняя противнику путь к своим штанам. Одной рукой она упиралась ему в грудь, чувствуя, как под кожей перекатываются мышцы, а второй шарила по земле, отчаянно пытаясь найти нож, который выронила при падении. Земля была холодной, влажной от росы и крови, и каждый сантиметр казался бесконечным.

Вскоре рука наткнулась на холодный металл. Схватив орудие, она нанесла удар в бок, на уровне почки. Глаза парня с удивлением расширились, но он не оставил попытки расстегнуть ей штаны — будто боль не имела для него значения, или он просто не верил, что может умереть. Тогда Кэрол нанесла ещё несколько ударов в ту же область, и парень стал обмякать, его тело теряло жёсткость, превращаясь в тяжёлую, безвольную массу. Закрыв глаза, он упал на неё всем телом, и на мгновение мир замер, сжавшись до этого удушающего контакта.

Быстро спихнув его в сторону, она вскочила на ноги. Её взгляд упал на Охитека, и сердце пропустило удар. Он стоял на коленях в нескольких метрах от неё, двое солдат держали его за руки и шею, придавливая к земле, словно хотели стереть его в пыль. Третий стоял спиной к Каролине и лицом к Охитеку, наставив на него ружьё. Он собирался выстрелить, и дуло казалось огромным, чёрным, бездонным, как сама смерть.

Сердце девушки бешено застучало, к голове прилила кровь, и пульсация отдавалась в висках, заглушая все остальные звуки. Она не может позволить ему умереть, думала девушка, и эта мысль была такой острой, что резала изнутри, не оставляя места страху. Парень же, напротив, был очень спокоен. Он перестал сопротивляться, когда увидел, что Кэрол расправилась со своим противником, и в этой тишине между ними проскочила какая-то немая связь, крепче любых слов.

Не тратя больше ни секунды, она бросилась к парню с ружьём и проделала уже опробованный приём: воткнула нож в шею врага и быстро вытащила, чувствуя, как металл скользит по коже и костям. Время снова замедлилось, и каждый миг растянулся в вечность. Переведя взгляд на Охитека, она увидела, как он, поняв, что ему больше ничего не угрожает, стал распихивать двух державших его солдат, его движения были резкими, полными ярости и облегчения.

— Беги! — кричал индеец, обращаясь к Кэрол, и его голос, хриплый и надрывный, пробивался сквозь грохот битвы. — Беги как можно дальше. Теперь я справлюсь сам!

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и горькие, и Каролина застыла, разрываясь между желанием остаться и необходимостью послушаться. В его глазах читалась такая решимость, что она поняла: он не примет никаких возражений. И в этот момент, среди огня, дыма и смерти, она впервые по-настоящему осознала, насколько он ей дорог — не как защитник, не как проводник, а как человек, ради которого она готова была рискнуть всем.

***

Каролина бежала, и ветер, казалось, толкал её в спину, подгоняя прочь от огня и криков. Она мчалась через поле за пределами палаточного лагеря, и с каждым шагом пелена дыма, окутавшая лагерь, становилась тоньше, а грохот битвы — глуше. Трава хлестала по ногам, цеплялась за одежду, будто пыталась удержать, не пустить в спасительную темноту леса. Чем

больше она отдалялась, тем тише становилось вокруг, и эта тишина, поначалу казавшаяся благом, вскоре начала давить на уши, звенеть в них, обнажая все страхи, которые она пыталась оставить позади.

Наконец добравшись до края леса, девушка остановилась, прислонившись к стволу старого дуба, и, тяжело дыша, всматривалась в тьму. Лес стоял неподвижно, будто затаил дыхание вместе с ней. Вокруг ни души — только шелест листвы, похожий на шёпот, и далёкие отголоски битвы, которые теперь звучали как приглушённый гул, лишённый смысла. Углубившись немного в лес, она присела у дерева, чувствуя, как холодная кора врезается в спину. Затаив дыхание, прислушивалась к шуму, доносившемуся от места боя. Слов было не разобрать — а может, они вообще были на оджибве, и эти гортанные, резкие звуки сливались в единый тревожный мотив.

Тревога за Охитеку не покидала девушку, скручиваясь в тугой узел где-то под рёбрами. «Только бы он остался жив», — молилась она, и эта простая фраза повторялась в голове, как заклинание, способное удержать его на этом свете. Сама не понимая, почему так переживает за него, она пыталась найти логичное объяснение, спрятать свои чувства за ширмой здравого смысла.

«Ну не могла же я влюбиться в него? Или могла? Нет, этого не может быть. Он индеец. ИНДЕЕЦ. Я просто к нему хорошо отношусь. Как к другу», — уговаривала себя Кэрол, и слова звучали в её голове жёстко, почти агрессивно, будто она пыталась убедить не только себя, но и кого-то невидимого, стоящего рядом. А внутренний голос кричал обратное, тихий, но упрямый, как капля, падающая на камень: «Как я могла влюбиться в него? Как? Чем он мог меня покорить?»

«Любят не за что-то, а вопреки», — снова поправлял её внутренний голос, и от этих слов становилось одновременно легче и тяжелее: легче, потому что они придавали её чувствам какой-то смысл, и тяжелее, потому что делали их настоящими, неподдельными. «Но нам всё равно не быть вместе», — пыталась она поставить точку, но голос внутри не умолкал: «Любовь преодолевает все препятствия».

«Откуда в моей голове цитаты из любовных романов? Жизнь не роман, тут всё сложнее», — сердито обрывала она свои мысли. Его отец никогда не позволит им быть вместе, и даже если бы Охитека захотел, сама жизнь, сама реальность, сотканная из традиций и законов, встала бы между ними, как неприступная стена. «Надо подумать о чём-то другом», — заставляла она себя, хватаясь за любые другие образы, лишь бы не утонуть в собственных чувствах.

«Интересно, куда подевались те, кому удалось сбежать? Куда убежала Херит? И где Коко? Удалось ли ей сбежать?» — от этих мыслей тревога нарастала, расползаясь по венам, как тёмная жидкость. Блуждая взглядом по лесу, она пыталась разглядеть хоть какое-то движение, хоть тень, хоть намёк на присутствие других людей. Но, кажется, в этом лесу она была одна. Он был ближайшим, может, по этой причине остальные уходили дальше, боясь, что этот лес начнут прочёсывать первым.

Крики понемногу утихали, и эта тишина была страшнее любого шума — она означала, что либо битва закончилась, либо живых осталось слишком мало, чтобы кричать. Бесцельно слоняясь по лесу, Каролина наткнулась на ложбинку — небольшое углубление в земле у дерева. Корни выпирали наружу, плотно переплетаясь между собой, словно чьи-то жилистые руки, вцепившиеся в землю. Они создавали неплохую естественную нишу, укромный уголок, где можно было спрятаться от чужих глаз и собственных мыслей. Протиснувшись в небольшую щель между корней, она устроилась там, чувствуя, как земля отдаёт накопленное за день тепло, а переплетение корней обнимает её, будто пытается защитить.

Сон не шёл. В голове всё ещё крутились переживания за Коко и Херит, обрывки воспоминаний о битве, о том, как Охитека кричал ей бежать. И мысли о любви к Охитеке, такие упрямые, такие настойчивые, что от них невозможно было скрыться. Каролина просто лежала

с закрытыми глазами, стараясь выровнять дыхание, заставить себя ни о чём не думать. Но тишина леса была слишком громкой, она наполняла голову странными звуками: шорохом, скрипом, далёким уханьем совы.

Спустя пару часов она услышала красивую трель какой-то птички — чистую, звонкую, она рассыпалась в ночной тишине, как горсть серебряных монет. «Неужели есть птицы, которые не спят ночью?» — думала девушка, и в этой мысли было что-то удивительно простое и спокойное, что позволило ей на мгновение забыть обо всём. «Какая красивая трель…» — пронеслось в голове, и вслед за этой мыслью сознание медленно поплыло, растворяясь в темноте, и Каролина провалилась в сон, такой хрупкий и тревожный, что он был похож не на отдых, а на короткую передышку перед новым испытанием.

ГЛАВА 4

Открыв глаза, Каролина не сразу поняла, где находится. Мир вокруг был непривычно тихим — будто кто-то накинул на землю толстое шерстяное одеяло, заглушив все звуки. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь листву, ложились на землю золотистыми полосами, и в этом мягком свете её недавнее убежище между корнями казалось не надёжным укрытием, а детской тайной, которую стыдно вспоминать. Тем более что ей снился Охитека. Снилось, что они прогуливаются, вместе держась за руки и целуясь время от времени. Сон был таким лёгким, таким беззаботным, что после кошмарного нападения он ощущался как глоток чистой воды после долгой жажды. Ей удалось хорошо отдохнуть и выспаться — тело чувствовало себя обновлённым, но душа всё ещё хранила отголоски вчерашнего ужаса.

Выбравшись из укрытия, Каролина замерла, вдыхая прохладный утренний воздух, напоённый запахом влажной земли, хвои и едва уловимым горьковатым привкусом гари, который всё ещё витал где-то неподалёку. Она обдумывала, стоит ли возвращаться в лагерь. Хочет ли она увидеть, что осталось после побоища, — эти мысли царапали сознание, словно острые ветки. Для начала надо глянуть издалека.

Подходя ближе к краю леса, она услышала шаги — лёгкие, но уверенные, будто человек знал эту землю наизусть. Каролина тут же притаилась за большим стволом сосны, чья кора была шершавой и тёплой от первых лучей солнца. Осторожно выглянув, она увидела Коко. В её походке не было прежней лёгкости — в ней чувствовалась усталость, но глаза горели живым огнём, а плечи были расправлены, словно она несла на них не тяжесть пережитого, а гордость за то, что выжила.

— Как я рада тебя видеть! — с улыбкой произнесла Каролина, выходя из-за дерева. Её голос прозвучал чуть громче, чем хотелось, будто она хотела разогнать остатки тишины, которая слишком долго давила на уши.

— Я тоже рада, что ты жива! — Коко бросилась в объятия Кэрол, и в этом порыве было столько облегчения, что Каролина почувствовала, как по спине пробегает тёплая волна. Они стояли, крепко обнявшись, и в этот миг все страхи и сомнения отступали, растворялись в простом человеческом тепле.

— Охитека искал тебя ночью, но не смог найти. Он очень переживает, что тебе не удалось уцелеть, — заговорила Коко, чуть отстраняясь, но не выпуская рук Каролины, будто боялась, что та снова исчезнет. — Братья рассказали мне и родителям, что ты сделала для Херит. Ты очень смелая! — гордо произнесла девушка, и её голос звенел, как натянутая струна. — Ты сама чуть не попала в беду из-за этого. Охитека говорил, что хотел тебе помочь, но его схватили. Когда он уже перестал надеяться, что сможет тебе помочь и уцелеть сам, ты и тут справилась и смогла ему помочь. Он сказал отцу, что в неоплатном долгу перед тобой за дважды спасённую жизнь и сделает для тебя всё, что бы ты ни попросила. Даже если это будет идти вразрез с нашими устоями. Если ты, конечно, осталась в живых и вы снова встретитесь. Отец

согласился. Это много значит у нас! — она вздёрнула подбородок, и в её жесте было столько достоинства, что Каролина невольно улыбнулась. — Моки присоединился к словам шила… — она запнулась, чуть покраснела, но тут же продолжила: — То есть брата, за помощь своей викимэк — это значит жена, — добавила девушка, и в этих простых словах прозвучала целая история любви и преданности. — Ноши был поражён твоей храбростью и готов тоже посодействовать в том, что ты попросишь.

— Кто? — спросила Каролина, слегка нахмурившись, пытаясь ухватить смысл незнакомого слова.

— Ноши — это отец по-нашему, — пояснила Коко, и в её голосе прозвучала тихая гордость за свой язык, за свои корни.

— Это интересно! — с загадочной улыбкой сказала Кэрол, и в этой улыбке пряталась целая буря мыслей — от удивления до робкой надежды.

— Что ты хочешь попросить? — с неподдельным интересом спросила Коко, её глаза светились любопытством, смешанным с искренним восхищением.

— Мне ничего не надо, — спокойно отозвалась Каролина, но в голове у неё крутились самые разные варианты, сплетаясь в причудливые узоры желаний и страхов.

— Такого не может быть, — удивилась девушка, чуть склонив голову, будто пыталась разглядеть в Каролине что-то скрытое.

— Может, — мягко ответила Каролина, стараясь звучать уверенно. — А что теперь будет? После нападения?

— Всех напавших удалось убить. Никто не успел убежать, а значит, наше местоположение неизвестно. Мы можем остаться здесь, — голос Коко стал тише, в нём появилась тяжесть ответственности. — Сейчас все заняты тем, что приводят в порядок всё, что испорчено. Вечером на костре мы почтим павших и отпразднуем спасение выживших. Там же Ноши обещал озвучить твою помощь и объявить о выполнении любой твоей просьбы. Это своего рода свидетельство его твёрдого слова.

«Это превосходно!» — думала Каролина, и в голове у неё рождался безумный план, хрупкий и дерзкий, как мыльный пузырь, но такой желанный. В процессе разговора они дошли до лагеря.

Солнце уже поднялось выше, заливая поляну тёплым светом, и лагерь, ещё вчера казавшийся местом ужаса, сегодня выглядел как живое существо, которое, несмотря на раны, упрямо тянулось к свету. Люди двигались между типи, чинили, убирали, разговаривали тихими голосами, в которых слышалась не только усталость, но и облегчение.

Когда Охитека увидел живую и невредимую Каролину, его лицо озарила радостная улыбка, в которой было столько облегчения, что она, казалось, могла бы разогнать любую тьму. В глазах его читалось тихое умиротворение, будто он наконец смог выдохнуть после долгого, мучительного ожидания. В сердце Кэрол при виде Охитека живым тоже стало легче — словно тяжёлый камень, который она не замечала, пока он давил на грудь, вдруг исчез.

— С тобой всё хорошо? — спросил он, подходя к девушкам. Было видно, как он сдерживал порыв прижать Каролину к себе — его пальцы чуть подрагивали, а в движениях чувствовалось напряжение, будто он боялся, что любое резкое движение может разрушить этот хрупкий момент.

— Да, я цела, — ответила она, и голос её прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя на самом деле.

Коко молча ушла, растворившись в суете лагеря, оставив их наедине, и эта внезапная тишина между Каролиной и Охитекой была наполнена тысячей невысказанных слов.

— Тебя не тронули? — всё его тело напряглось в ожидании ответа, будто от этих слов зависела его способность дышать дальше. — Во всех смыслах, — добавил он, и в его голосе прозвучала такая боль и тревога, что у Каролины защемило сердце.

— Нет. Меня никто не тронул. Я сбежала и спряталась, а потом уснула, — на последних словах она стыдливо опустила голову, пряча взгляд, в котором всё ещё таился отголосок страха.

— Хорошо, — выдохнул парень, и напряжение, сковывавшее его плечи, наконец отступило. Он расслабился, и в этом простом слове было столько благодарности и облегчения, что оно повисло между ними, как тихий рассвет после самой тёмной ночи.

***

Вечером, когда солнце клонилось к горизонту, небо над лагерем окрасилось в глубокие оттенки алого и фиолетового — будто кто-то пролил на холст густую краску, и она медленно растекалась, смешиваясь с сумерками. Тени удлинялись, ложились на землю тяжёлыми бархатными полосами, и даже воздух становился плотнее, напоённый запахом дыма, хвои и пряных трав, которые женщины разбросали вокруг, чтобы отпугнуть злых духов.

Люди стали собираться у обустроенного костра — в центре поляны, на которой базировался лагерь племени. Выставили большой костёр из двухметровых брёвен: они легли друг на друга, словно древние стражи, готовые хранить тепло и свет до самой глубокой ночи. На расстоянии полутора метров по кругу выложили брёвна, чтобы сидеть. Постепенно люди занимали места, и почти все брёвна были заполнены. Оставалось пустым только одно — предназначенное, как пояснил Охитека, для вождя и семьи вождя.

Когда к костру подошёл Кэнги с женой Мимитех, все смолкли. Их шаги звучали особенно отчётливо в этой внезапной тишине — словно сама земля прислушивалась к поступям вождя. Он сел, и вся семья последовала за ним, движения их были неторопливыми, исполненными достоинства. Пламя взметнулось выше, будто приветствуя их, и отбрасывало на лица танцующие оранжевые блики, придавая чертам резкость и загадочность.

Каролина села рядом с Охитекой и тут же поймала на себе недобрый взгляд Ниты — невесты Охитеки, сидевшей через несколько брёвен. В её глазах сверкала холодная искра ревности, а губы были сжаты в тонкую линию, словно она пыталась удержать внутри горький упрёк. Каролина невольно поёжилась, но тут же расправила плечи, стараясь не выдать своей тревоги.

Кэнги — отец Охитеки — начал говорить. Его голос, низкий и размеренный, сливался с треском костра, становясь частью этой древней мелодии, которую племя исполняло веками. Охитека переводил для Каролины. Вождь почитал павших, перечисляя имена и воздавая им похвалы. Каждое имя звучало как удар сердца — чётко, тяжело, навсегда. Потом наступила что-то вроде минуты молчания. Тишина легла на лагерь, густая и осязаемая, словно покрывало, сотканное из скорби и памяти.

Дальше чествовали всех выживших, перечисляя имена. Кэнги желал им долголетия, и все выкрикивали это слово хором — по звучанию оно было похоже на «Хентэйви». Эхо разносило его над поляной, и казалось, что даже деревья кивали в такт, соглашаясь с этим пожеланием. Потом все начали общаться между собой, пить и есть. Атмосфера постепенно становилась менее торжественной, и всё стало походить на обычные посиделки — но в этом контрасте между скорбью и радостью чувствовалась особая мудрость: племя умело держать в сердце и то, и другое, не позволяя ни одному чувству поглотить другое.

Каролина ёрзала на месте, прокручивая в голове сказанное Коко. «Он же должен был объявить всем о выполнении просьбы. Неужели передумал?» — думала Кэрол, и эта мысль царапала изнутри, как сухая ветка.

— Как тебе? Наш костёр, — заговорил с ней Охитека. Голос его звучал тихо, но в нём чувствовалась гордость за традиции своего народа.

— Интересно. Я бы даже сказала, необычно. Скорбеть и радоваться в одно время… — она задумалась, подбирая слова, будто пыталась ухватить ускользающий смысл. — Непривычно, — наконец закончила свою мысль девушка.

— Наша жизнь не похожа на вашу. Наша скоротечна. Мало кто доживает до старости. Поэтому мы мало скорбим. Чтоб оставалось больше времени жить, — спокойно объяснил он, и в его словах прозвучала не жестокость, а глубокая, выстраданная философия.

— Интересные рассуждения, — протянула Каролина, вглядываясь в пляшущие языки пламени, которые то и дело вытягивали длинные огненные пальцы, будто хотели дотянуться до звёзд. — А сколько будет идти праздник?

— Ещё пару часов. Сейчас все немного расслабятся, и отец возьмёт слово. Ему есть что ещё сказать, — многозначительно проговорил Охитека, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего Каролина не смогла разгадать — то ли тревога, то ли предвкушение.

— Интересно послушать! — лукаво отозвалась она, но в душе у неё всё сжималось от напряжения. «Интересно, будут ли они слушать меня и выполнит ли мою просьбу вождь?» — крутилось в голове у девушки.

Вскоре Кэнги поднялся и заговорил. Все смолкли, а Охитека шёпотом переводил.

— Он рассказывает, как ты спасла Херит. Говорит, как ты храбро сражалась. Как чуть сама не попала в беду, — на этих словах голос парня дрогнул, и Каролина заметила, как побелели костяшки его пальцев, сжимавших край шкуры. — Говорит о том, что ты справилась и помогла мне. Повторяет, что ты дважды спасла мне жизнь и спасла Херит от позора. За это он хочет дать тебе новое имя. Ты достойна стать одной из нас, если захочешь. Он нарекает тебя именем Найра, что переводится как «большое сердце».

Кэнги вопросительно смотрел на Каролину. Его взгляд был прямым и спокойным, в нём не было ни снисхождения, ни осуждения — только ожидание и уважение.

— Он спрашивает, ты принимаешь имя? Готова ли ты остаться с нами? — перевёл парень.

Все взгляды были устремлены на Кэрол. Она поднялась, и в этот момент ей показалось, что даже пламя замерло, прислушиваясь к её словам.

— Да, я принимаю имя и хочу остаться с вами, — громко объявила она, и голос её прозвучал твёрдо, без тени сомнения.

Охитека громко заговорил, переводя её слова, и тут же послышались восторженные вопли в знак приветствия. Они взметнулись над поляной, как стая птиц, вырвавшихся на свободу, и Каролина почувствовала, как по спине пробегает тёплая волна — не от жара костра, а от признания этих людей, которые теперь становились её семьёй.

Кэрол вновь села, и вождь продолжил говорить, а Охитека — переводить.

— За то, что ты сделала для его семьи, он готов выполнить любую твою просьбу. Если ты хочешь что-то сейчас, то можешь сказать, если нет, то в любой другой момент, когда тебе что-нибудь понадобится.

Каролина глубоко вдохнула, ощущая, как предвкушение и страх сплетаются в тугой узел где-то под рёбрами. Она чувствовала себя как перед прыжком в тёмную воду — не зная, что ждёт внизу, но понимая, что отступать уже поздно.

— Переводи, только громко, чтоб все слышали, и слово в слово, и как можно точнее передавай смысл, — обратилась она к Охитеке. Тот кивнул, и она повернулась лицом к вождю. — Мне ничего не нужно для себя. Всё, что мне понадобится, я смогу сделать для себя сама. Но есть человек, которому я очень хочу помочь. И только вы можете это сделать, — сердце заколотилось сильней, и она глубоко вздохнула, чтобы выровнять дыхание и придать голосу твёрдость.

Вождь кивнул и что-то сказал.

— Он готов помочь тому, за кого ты хочешь попросить, — перевёл Охитека.

«Это вряд ли», — подумала Каролина, но вслух ничего не сказала.

— Я хочу, чтоб вы отменили закон о свадьбах с опозоренными девушками, — произнесла она, и эти слова прозвучали в тишине, как удар камня о лёд.

Охитека молчал. Кэрол повернулась — он смотрел на неё с ошарашенными глазами. И Коко тоже.

— Переводи, — твёрдо сказала она.

— Я не могу этого озвучить. Ты не представляешь, что тут начнётся, если я это переведу, — попытался отговорить её Охитека, и в его голосе слышалась не слабость, а искренний страх за неё.

— Мне плевать, переводи. Он обещал, я его за язык не тянула, — она посмотрела на Коко. — Может, ты переведёшь?

— Нет! — воскликнула та. — Даже не проси! — девушка вскочила и убежала, её силуэт растворился в сумерках, словно тень, испуганная ярким светом правды.

В толпе появилось удивление, послышались шёпотки, похожие на шелест сухой травы под ветром.

— Переводи, — ещё настойчивей приказала Каролина Охитеке.

Нехотя тот заговорил. Увидев, как округляются глаза вождя, она поняла, что парень переводит правильно.

— Может, не совсем отменить, а хотя бы изменить. Чтоб закон о свадьбе и разводе не распространялся на тех, кто пострадал в нападении. Никто не заставляет парня жениться силой, если он передумает, ради бога. Но если он хочет жениться, не надо ему запрещать. Может, найдётся другой, кто настолько любит девушку, что готов взять её в жёны даже после такого, — голос Каролины звучал ровно, но внутри всё дрожало, как натянутая струна.

Воцарилась тишина. Даже костёр будто притих, лишь изредка щёлкая искрами. Каролина видела, с каким нетерпением ждал ответа вождя Уомблиска. Его пальцы нервно теребили край накидки, а взгляд метался между вождём и Каролиной, словно он пытался прочесть ответ раньше, чем его произнесут вслух.

Кэнги заговорил, и Охитека начал переводить:

— Я не могу этого сделать. Попроси что-то другое.

Уомблиска поник, его плечи опустились, будто на них легла невидимая тяжесть. Но Каролина не хотела сдаваться.

— Нет, — твёрдо заявила она. — Я не хочу ничего другого. Я хочу, чтоб Коко была счастлива. За эти несколько дней я полюбила её как сестру. Если вы захотите, я могу покинуть ваше племя, — Каролина увидела, как поменялось лицо Охитеки, и услышала, как дрогнул его голос. — Но перед этим я хочу знать, что дорогой мне человек, очень дорогой человек, будет счастлив. Я хочу увидеть улыбку на её губах, а не печаль.

Она сделала паузу, собираясь с силами, и продолжила:

— Я знаю, о чём говорю. Простите меня, но ваши браки по выбору родителей и запрет по предрассудкам больно ранят ваших детей. Мой отец проиграл в карты дом и все деньги. Чтоб покрыть долг, решил выдать меня замуж за пятидесятилетнего толстого мужика. А мне всего восемнадцать, — на глаза стали наворачиваться слёзы, но она не позволила им пролиться. — Этот мерзкий тип на десять лет старше моего отца. Какая жизнь меня ждёт с таким мужем? Я не то что любви не испытывала к нему, я без отвращения смотреть на него не могла. При одной мысли о нём к горлу подкатывала тошнота. Почему родители сознательно лишают счастья своих детей? Неужели вы не хотите счастья для своей дочери?

Люди стали перешёптываться. В многих лицах читалось неодобрение — жёсткие складки у рта, нахмуренные брови, скрещённые руки. Но были и те, в ком было понимание: в их глазах стояла тихая боль, а в движениях чувствовалась готовность поддержать.

Наконец Кэнги заговорил.

— Я не могу отменить этот закон, — в его глазах Каролина видела, насколько сильно он хочет его отменить. — Это невозможно.

— Почему? Если вы боитесь неодобрения соплеменников, то пусть они все проголосуют. Каких голосов будет большинство, так и поступите, — предложила Каролина, и её голос прозвучал неожиданно спокойно — будто она наконец нашла ту самую точку опоры, на которую могла опереться.

Вождь кивнул в знак согласия. Охитека перевёл: те, кто за отмену, пусть встанут рядом с Каролиной; те, кто против, остаются сидеть на месте.

Каролина повела взглядом по толпе. К ней подскочил Уомблиска.

— Я твоя сторона, — на ломаном языке заговорил он, и в этих простых словах было столько преданности, что у Каролины защемило сердце.

Вскоре подошёл Моки, что-то говоря на своём языке.

— За викимэк, он твоя сторона, — перевёл Уомблиска.

«Викимэк, викимэк…» — перебирала в памяти Каролина. «За жену», — вспомнила она.

Охитека тоже подошёл.

— За свою жизнь, за сестру и жену брата, я с тобой до конца, — он взял её за руку, и его прикосновение было тёплым и надёжным, как свет костра в холодную ночь. — Что бы ни случилось, я всегда буду на твоей стороне, — он улыбнулся, и в этой улыбке было столько искренности, что она почувствовала, как внутри что-то тихо оттаивает.

Постепенно подходили люди. Охитека переводил их слова, и каждый новый голос добавлял Каролине сил. В основном это были те, кто потерял кого-то из близких по причине «позора», и девушки, смертельно боявшиеся, что такое может случиться и с ними. Когда люди перестали вставать, начался подсчёт. Но Каролина и так видела, что стоящих рядом с ней — большинство.

Переведя взгляд на вождя, она заметила в его лице одобрение и благодарность. Объявив результаты, Кэнги заговорил:

— Большинство за, так что я принял решение. Закон не будет отменён, но будет изменён. Отныне те, кто потеряет невинность в нападениях, смогут выходить замуж, но только за того, кто добровольно захочет взять их в жёны. Те, кто уже состоят в браке, будут решать сами — разводиться им или нет. Как мужчины, так и женщины. Мужчина может развестись, если не сможет смириться, женщина тоже может развестись, если не сможет забыть случившееся. И ещё! Все договорённости о свадьбе с этого дня аннулируются. Теперь каждый сам будет решать, на ком жениться и за кого выходить замуж. Пусть наши дети женятся по любви.

Охитека расплылся в улыбке, но тут же поник. Каролина не смогла понять, что его расстроило.

На этом все прения закончились, и люди были предоставлены сами себе. Кто хотел, уходил, кто хотел, оставался. Вождь подошёл к Каролине, и Охитека потянул её за отцом, который стал отходить от толпы. Она обернулась к Уомблиску.

— Можно, я сама найду Коко и сообщу ей новость? — спросила она.

Он кивнул.

Отойдя от толпы, Кэнги вновь заговорил.

— Ты действительно храбрая девушка, — переводил Охитека. — Я искренне рад, что ты смогла добиться пересмотра закона. Я всегда переживал за Коко, но не мог сделать этого сам. Меня бы свергли из вождей. Посчитали бы, что я выгораживаю дочь. Отчасти так бы оно и было.

Он стал уходить в сторону своего типи, но обернулся и произнёс:

— Спасибо. Большое спасибо, — заговорил он на английском, чтобы девушка могла понять без переводчика.

Она молча кивнула, чувствуя, как в груди разрастается странное, горьковато-сладкое чувство — смесь гордости, усталости и тихой радости.

— Я хочу найти Коко. Не знаешь, где она, может быть?

— Поищи её в том лесу, — он указал вправо. — Она любит там прятаться с детства.

— Спасибо, — тихо отозвалась Каролина.

Солнце село, и в темноте поиски были затруднительны. Тени обступили её со всех сторон, становясь плотнее, будто хотели удержать, не пустить дальше. Оставив попытки, она остановилась и громко заговорила:

— Коко! Коко, я знаю, что ты здесь. Выходи, поговорим.

Каролина вглядывалась в темноту и прислушивалась к возможным шорохам. Воздух был прохладным, и на коже проступала лёгкая дрожь, но она не замечала этого.

— Зачем ты это сделала? — раздался голос чуть левее. — Они только перестали тыкать в меня пальцами.

Каролина шла на голос.

— Теперь всё начнётся сначала, — слышались тихие всхлипы. Девушка плакала, и эти звуки были такими беззащитными, что у Каролины сжалось сердце.

— Я не хотела тебя обидеть, — подошед к девушке, Кэрол присела рядом и осторожно коснулась её плеча. — Я полюбила тебя как сестру и очень хотела помочь тебе. Я хочу, чтоб у тебя был шанс на счастье.

Коко взглянула на неё заплаканными глазами, в которых отражались редкие звёзды, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев.

— Я сказала при всех, что готова покинуть ваше племя, если они того захотят, но перед этим я хочу знать, что ты будешь счастлива, — Кэрол стала вытирать слёзы с лица девушки, и её пальцы дрожали от волнения.

— Чем всё закончилось? Тебя выгнали? — всё ещё шмыгая носом, спросила Коко.

— Нет. Я остаюсь, — Каролина встала и направилась к выходу из леса. Уходя, она продолжила говорить: — И если тебе это интересно, то я победила, и ты теперь можешь выйти замуж.

— Что? — звонко отозвалась девушка, и её шаги стали приближаться. — Это правда?

Она схватила руку Каролины, и та обернулась с улыбкой.

— Правда! Там такое творилось, но я стояла на своём. Дело дошло до голосования. Знаешь, кто первым меня поддержал?

— Кто? — озадаченно смотрела Коко.

— Уомблиска! Он первый подошёл ко мне, почти без промедлений, потом потянулись остальные. Я уверена, что он хочет тебя видеть, ведь теперь вам не надо прятаться, — на лице девушки заиграла улыбка, робкая, но такая светлая, что казалось, будто она разгоняет тьму вокруг.

— Иди, я вижу, тебе не терпится. Он расскажет подробнее.

Только Каролина успела договорить, как девушка побежала, даже не попрощавшись. Её силуэт мелькнул между деревьями и исчез, словно растворился в ночи.

Каролина не спеша пошла следом. Усталость от напряжения сказывалась, и ей хотелось быстрее лечь, закрыть глаза и хотя бы на несколько часов забыть обо всём. Подходя к лагерю племени, она заметила фигуру девушки, которая нервно ходила взад-вперёд. Это была Нита. «Только её сейчас и не хватало», — подумала Кэрол.

Та двинулась к Каролине, говоря что-то на своём языке. Голос звучал крайне недружелюбно, даже угрожающе, а в каждом движении чувствовалась кипящая ярость.

— Я тебя не понимаю, — отозвалась Кэрол, и в её голосе прозвучала не злость, а искреннее недоумение — будто она пыталась пробиться сквозь невидимую стену, выросшую между ней и этой разъярённой девушкой.

Нита кинулась с кулаками, её движения были резкими, почти судорожными, а в глазах пылал огонь, в котором смешались обида, страх и горькая растерянность. Каролина едва успела среагировать — схватила её за руки, не давая нанести удар. В этом жесте не было агрессии,

только отчаянная попытка удержать ситуацию, не дать вспыхнувшей ярости превратиться в настоящую драку.

— Да что такое? — возмутилась Каролина, голос её дрогнул от напряжения. — Ты всегда ведёшь себя так агрессивно?

— Ты можешь успокоиться? — повысила голос Каролина, стараясь, чтобы в её словах прозвучало не раздражение, а искреннее желание понять. — Что сейчас тебе не нравится?

Пока она держала руки Ниты, не давая шанса на драку, краем глаза заметила приближение двух фигур. Это были Коко и Уомблиска. «Как кстати», — мелькнуло в голове у Кэрол. Уомблиска, не раздумывая, обхватил Ниту руками, прижимая её руки вдоль туловища, не давая ей ни единого шанса вырваться. Его движения были уверенными, но в них не было жестокости — скорее, отчаянное желание защитить всех сразу: и эту потерявшую контроль девушку, и Каролину, и хрупкое равновесие, которое только-только начало восстанавливаться в племени.

— Что она говорит? Я не понимаю, — обратилась Каролина к Коко, и в этом вопросе прозвучала вся её усталость от непонимания, от чужой боли, которую она чувствовала, но не могла до конца осознать.

Коко перевела, и по её лицу скользнула тень неловкости — будто ей было стыдно за то, что приходится озвучивать чужую ярость. Выслушав Ниту, она заговорила, подбирая слова так, чтобы смягчить их резкость:

— Она недовольна, что ты появилась у нас. Она в ярости от того, что ты добилась изменения закона, и она осталась без жениха.

— А я каким боком к её жениху? — удивилась Кэрол, и её брови взметнулись вверх от искреннего непонимания.

— Её женихом был Охитека. Из-за изменения закона теперь он не женится на ней.

— С чего она так решила? Хотят, пусть женятся, я-то тут при чём? Переведи ей, — твёрдо сказала Каролина, и в её голосе зазвучала сталь, которой раньше не было.

Коко перевела. Нита, выслушав, заговорила снова — на этот раз не крича, а почти шёпотом, и в этом шёпоте слышалась такая глубокая, почти невыносимая боль, что даже воздух вокруг, казалось, стал тяжелее.

— Она боится, что он не захочет, раз теперь у него есть выбор, — тихо пояснила Коко, опустив глаза.

— Я не хотела, чтоб так получилось, — голос Каролины смягчился, в нём зазвучали тёплые, почти материнские нотки. — Я лишь хотела, чтоб вы были счастливее и не оставались одни или не умирали от отчаяния. Если он любит тебя, то женится, а если нет, то счастья в такой семье не будет. Поверь мне на слово, — договорив, Каролина развернулась и пошла в лагерь, не дожидаясь, пока Коко всё переведёт. Ей вдруг стало невыносимо тяжело находиться среди чужих обид и страхов.

Коко стала переводить, потом повернулась и сказала, что Каролина может идти, они сами успокоят Ниту. Без лишних слов Каролина удалилась. Всё, чего она сейчас хотела, — это лечь, закрыть глаза и хоть на несколько часов забыть обо всём, что произошло за этот бесконечный день.

Зайдя в типи, она обнаружила, что Охитеки там нет. Внутри пахло дымом, сухими травами и чем-то неуловимо родным — запахом дома, который она начала узнавать. Она легла и закрыла глаза, чувствуя, как усталость медленно разливается по телу, тяжёлая и неизбежная, как предрассветный туман. Послышались шаги, и в палатку кто-то вошёл. Не в силах открыть глаза, она подумала, что ей всё равно, если это вернулась Нита, чтобы продолжить драку — Каролина не сделает ни движения. Пусть весь мир подождёт.

— Ты спишь? — раздался тихий голос Охитеки, мягкий, как прикосновение прохладного ветра.

— Нет. Просто лежу, — ответила она, не открывая глаз. Но ей так хотелось видеть его лицо, читать по нему каждую эмоцию, каждую тень, пробегающую в его взгляде.

— У тебя есть муж? — неуверенно начал он, и в этой неловкости было столько искренности, что Каролина невольно улыбнулась, хотя он этого и не видел.

— Нет, — ответила Кэрол, всё так же не открывая глаз.

— Он остался твоим женихом? — голос его звучал странно, будто он боялся услышать ответ, но должен был спросить.

Тогда она всё же открыла глаза и посмотрела на Охитеку. Он стоял у входа, слегка ссутулившись, и в его позе читалась какая-то внутренняя борьба. Лицо его было расстроено и подавлено, черты казались чуть более резкими в полумраке типи, а в глазах застыла тень, которую она раньше не замечала.

— Да, — коротко ответила она и села, чувствуя, как подступает неловкость, смешанная с желанием всё объяснить. — У тебя что-то случилось? Ты расстроен?

— Нет, — попытался он скрыть истинные чувства, но у него не получилось: голос выдал его, прозвучав чуть глуше, чем обычно.

— Тогда почему ты такой странный? — не отставала она, вглядываясь в его лицо, словно пытаясь прочесть в нём то, что он не решался произнести вслух.

— Ты не рассказывала о себе. На костре я впервые услышал что-то о твоей жизни, — сдался он, и в этих словах прозвучала тихая обида — не на неё, а на то, что она так долго держала свою боль при себе, не позволяя никому её увидеть.

— Ты переживаешь за меня? — она придвинулась ближе, и между ними вдруг стало меньше пространства, а воздух — гуще, насыщеннее.

— Да, — просто ответил он, и это короткое слово прозвучало как признание.

— А что ты думал обо мне? Почему я была так далеко от дома, по-твоему? — пыталась понять она его мотивы, распутать клубок его мыслей.

— Ну… думал, что у тебя никого нет. И ты решила начать новую жизнь, — грустно пожал плечами Охитека, и в этом жесте было столько неуверенности, что Каролине захотелось протянуть руку и просто коснуться его плеча, чтобы сказать: «Я здесь. Я не одна, и ты не один».

— Ну, в каком-то смысле так и есть, — вздохнула она. — Я не хотела выходить замуж за старика и сбежала. Чтоб начать новую жизнь. Теперь я буду сама решать, что мне делать, куда идти и за кого выходить замуж. Никто не сможет заставить меня делать что-то против моей воли. Я выйду замуж только по любви, — твёрдо закончила мысль, и в тишине типи эти слова прозвучали как клятва.

— Кстати, о замужестве, — он запнулся, будто сам не хотел произносить то, что должно было прозвучать дальше. — Ты не представляешь, что творится в племени. Все парни пошли просить руки девушки, которая им нравится, у их родителей. Кохэн попросил у моего отца твоей руки.

Он пристально смотрел в глаза Каролины, ожидая ответа, и в этом взгляде было столько напряжения, что она почувствовала, как внутри всё сжимается.

— Почему у твоего отца? — поинтересовалась она, нахмурившись.

— Ты здесь одна и живёшь у меня, вот он и обратился к отцу, — спокойно разъяснял он очевидное, но для неё всё это было совсем не очевидно.

— Почему не к тебе? — не понимала Каролина, чувствуя, как в груди поднимается волна раздражения — от того, что её судьбу обсуждают, не спросив её мнения.

— У кого нет родителей, за тех отвечает вождь, — терпеливо пояснил он.

— И что сказал твой отец? — напряглась девушка, и её пальцы невольно сжались в кулаки.

— Всё сложно, — неуверенно начал он, и от этого «сложно» по спине пробежал неприятный холодок.

— Что это значит? — она вздёрнула подбородок, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовала себя на самом деле.

— Наш закон един для всех, и для тебя тоже, — осторожно подбирал он каждое слово, будто боялся поранить её этими словами. — Мы о тебе ничего не знаем и не можем в полной мере осознавать, можешь ли ты быть невестой. Жениться на тебе желают четверо, но для принятия решения нужно точно знать, подходишь ли ты на роль невесты.

— Конечно, подхожу, что за вопрос! — возмутилась она, и в этом возмущении прозвучала не только обида, но и растерянность — от того, что её право на выбор снова ставят под сомнение.

— Ты хочешь выйти за Кохена? — этот вопрос он произнёс почти шёпотом, и в нём слышалась какая-то личная боль, которую он пытался скрыть.

— Наверное, нет… — неуверенно проговорила Каролина. — Я даже не уверена, что точно понимаю, о ком идёт речь.

— А почему тогда ты злишься?

— Я только что говорила, что сама буду решать, когда и за кого мне выходить замуж, — почти грозно заговорила она. — А вы решаете за меня, можно ли мне замуж. Когда я захочу связать свою жизнь с кем-то, то не стану спрашивать ни у кого разрешения. Не понимаю, в чём вообще проблема?

— В невинности, — покраснев, произнёс он. Щёки Охитеки стали пунцовыми, и он опустил глаза, будто стыдясь самого факта, что ему приходится обсуждать столь деликатный вопрос.

Только после этого до Кэрол дошёл смысл. Вспомнив закон, она поняла: если она не девственница, то не имеет права быть женой. Она была невинна, но оповещать об этом всех она не хотела. Это узнает только человек, которого она полюбит, и никто больше.

— А-а-а, — протянула она, стараясь звучать равнодушно. — Ну, тогда решайте, не буду вам мешать, — она вновь растянулась на постели из шкур, чувствуя, как холод меховых покрывал пробирается сквозь одежду, остужая разгорячённую кожу.

— Это да или нет? — с неуверенностью спросил парень, и в этом вопросе прозвучало что-то большее, чем просто любопытство.

— Не думаю, что готова ответить на этот вопрос, — тихо сказала она. — Я хочу посмотреть, как вы будете это выяснять, — в душе она ликовала, но старалась не показывать этого. Приподнявшись на локтях, она посмотрела на Охитеку, и в её взгляде мелькнула озорная искорка. — А кто остальные трое? — с интересом спросила Каролина.

— Это… — он резко замолчал, будто сам испугался того, что чуть не сказал. — Когда они начнут оказывать знаки внимания, сама узнаешь.

— Значит, не скажешь? — улыбнулась она, и эта улыбка была такой тёплой и живой, что на мгновение даже тени в типи отступили, словно не выдержали её света.

— А зачем тебе? Будешь выбирать? — с вызовом спросил он, но в этом вызове слышалась не злость, а какая-то детская ревность, которую он не умел скрывать.

— Ага, устрою отборочные испытания, — в шутку сказала она, но Охитека не понял.

— А какие? — с искренним интересом уточнил он, и на секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на азарт.

— Да шучу я. Не буду я выбирать, — отмахнулась она, но в её голосе прозвучала лёгкая грусть. — Просто интересно, кто они.

— Не будешь выбирать, — рассеянно повторил он, словно пытался уложить в голове эту мысль. — Почему?

— Моё сердце уже занято, — тихо призналась она, и эти слова прозвучали не как вызов, а как тихое признание, которое она долго прятала даже от самой себя. — Оно сделало выбор за меня некоторое время назад. Так что я уже знаю, за кого я бы вышла замуж, если бы это

было возможно. Как жаль, что его сердце принадлежит другой, — с грустью добавила она, и в этой грусти не было ни упрёка, ни обиды — только светлая печаль, похожая на отсвет заката, который долго держится на небе после того, как солнце уже скрылось за горизонтом.

— Ты поэтому согласилась жить у нас в племени? — спросил он, думая, что у неё есть парень в городе, и она сбежала, чтобы её не выдали замуж за старика.

— Да. Отчасти, — ответила Кэрол, думая над его вопросом. «Я согласилась, чтобы быть рядом с тобой, потому что безоглядно влюбилась», — добавила она про себя, и эта мысль прозвучала в её голове так ясно и отчётливо, что на секунду ей показалось, будто Охитека мог её услышать.

— Ты правда любишь Коко как сестру? — неожиданно сменил он тему, и в этом вопросе прозвучала какая-то тихая надежда — словно ему было важно услышать, что она действительно стала частью их семьи.

— Да, — без колебаний ответила она, и голос её зазвенел от искренности. — Твоя семья за этот короткий срок стала мне по-настоящему родной. Я люблю вас всех, — и в этих простых словах прозвучала такая глубина, что Охитека на мгновение замер, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.